

НА С К Л О Н Ъ Ж Ъ Т Ъ.
ПОВѢСТЬ.

Дѣлу пастырства о. Константинъ отдалъ всю свою жизнь.
Еще въ раннемъ дѣтствѣ своемъ о. Константинъ, тогда
еще маленькій, розовый, съ золотистыми локонами Костя, зачи-
тывался евангеліемъ.

Кончится, бывало, короткій зимній день. Въ кухню со двора придетъ работникъ Василій и, напившись чаю, возьметъ купленное ему евангеліе, корявыми руками развернетъ его замасленные листы и тягуче, нараспѣвъ начнетъ читать:

— «И бысть посемъ, идяше во градъ, нарицаемый Наинъ, и съ Нимъ идяху ученицы Его мнози и народъ много.»

Войдетъ въ кухню Костя и сядетъ противъ Василія. Сидитъ и слушаетъ. На дворѣ воетъ вьюга, за печкой скрипитъ сверчокъ, въ дешевой лампѣ сердито шипитъ керосинъ. Но ни Костя, ни Василій не замѣчаютъ этого. Ихъ мысли тамъ, въ незнаемой, но близкой ихъ сердцу дали Наина. Ихъ воображенію рисуются поля, усыпанныя красивыми лиліями, и посреди нихъ Христось, окруженный учениками и народомъ, со свѣтлымъ, лучезарнымъ ликомъ, съ мягкимъ, ласкающимъ голосомъ и такой добрый—добрый. Вотъ, навстрѣчу Христу движется толпа съ умершимъ мальчикомъ. Исусъ Христось скорбитъ вмѣстѣ съ плачущей матерью, исполняется жалости къ умершему и воскрешаетъ его. Какая радость у матери, у мальчика, у всѣхъ, кто былъ около! Вѣдь, всѣ думали, что жизнь мальчика оборвалась навсегда, что горе матери безутѣшно, но Христось неожиданно совершаетъ это радостное чудо! Какъ хорошо! Господи, какъ хорошо!

Вѣтеръ стихъ. Сверчокъ окончилъ свою пѣсню, а Василій все читаетъ. И, какъ будто, не замѣчаетъ, что напротивъ его сидитъ Костя и не спускаетъ съ него глазъ. Къ этому Василій привыкъ.

Привычнымъ же движеніемъ передаетъ потомъ Василій евангеліе Костѣ и, протирая глаза, говоритъ привычныя же слова:

— На. Почитай. Не годятся ужъ у меня глаза-то. Плохо видѣть сталъ.

— О чемъ?—спрашиваетъ, встrepнувшись, Костя:—о страданіяхъ опять?

— Читай опять о страданіяхъ.

И Костя звонкимъ, отчетливымъ голосомъ читаетъ о томъ, какъ Исусъ Христось совершилъ съ учениками Своими тайную вечерю, какъ Онъ трогательно простился съ ними, говоря имъ о мирѣ и любви. А, вотъ, Христось на молитвѣ въ чащѣ Геосиманскаго сада. Тяжелы страданія Спасителя. Не разъ Онъ проситъ учениковъ пободрствовать съ Нимъ. Но—увы!—ученики

забываютъ о Своемъ Учителѣ въ эту тревожную, тягостную ночь и предаются сну. Между тѣмъ приближается ученикъ—измѣнникъ. Предательскій поцѣлуй,—и Иисусъ взятъ, связанъ и—какъ преступникъ, злодѣй—оказывается въ распоряженіи грубыхъ солдатъ. Мучительный допросъ на судѣ, побои, оплеванія, багряница, изступленные крики народа: «распни, распни!»—и, вотъ, Христось на крестѣ въ терновомъ колючемъ вѣнцѣ, въ крови на рукахъ, на ногахъ... Со всѣхъ сторонъ Его окружаютъ враги, озлобленные, издѣвающіеся, богохульничающіе... Ужели забыли они, что Христось только вчера училъ всѣхъ миру и любви, и только вчера еще всѣ заслушивались Его ученія? Ужели они забыли, что Христось недавно еще, ходя по землѣ, творилъ одно только добро: помогаль бѣднымъ, утѣшаль страждущихъ, исцѣляль больныхъ, воскрешаль мертвыхъ?... Вотъ, и теперь, вися на крестѣ, Онъ молится за своихъ враговъ. За чѣмъ же эти муки, эти издѣвательства? За чѣмъ этотъ крестъ?

Костя читаетъ уже повышеннымъ голосомъ, и въ тонѣ его чувствуется глубокая, пламенная любовь къ невинно страдающему Христу и сердечное сожалѣніе о его врагахъ.

— «Совершишася!»—упавшимъ тономъ произноситъ Костя и кончаетъ чтеніе. Онъ привыкъ останавливаться на этомъ мѣстѣ, чтобы продлить моментъ благоговѣйнаго созерцанія великаго событія.

Горящими глазами Костя взглядываетъ на Василя. По морщинистому лицу работника катится мутная слеза. Слезой же обволакиваются и глаза маленькаго Кости.

Бьетъ десять часовъ. Костя уже поужиналь, но спать ему еще не хочется. Онъ сидитъ въ кухнѣ на большой русской печи и задумчиво смотритъ въ темный уголъ, гдѣ едва виденъ ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Но думаетъ онъ уже не о страданіяхъ Христа, а о томъ, какъ скоро эти страданія окончились, какъ были побѣждены и посрамлены всѣ враги Христовы. Три дня—и Христось воскресъ, побѣдоносный, прославленный, сіяющій. И вся земля, весь міръ исполнились радости и ликования. Апостолы, Магдалина, народъ соединяются въ неудержимомъ устремленіи ко Христу.

— Радуйтесь!—привѣтствуетъ ихъ Воскресшій.

И это привѣтствіе подлинной радостью наполняетъ и Костино сердце. И такъ бы и ему хотѣлось быть тамъ, вмѣстѣ съ Магдалиной и апостолами...

Костя смотритъ въ темный уголъ кухни, но глаза его видятъ уже не ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, а картину явленія воскресшаго Христа. И вся эта картина представляется Костѣ какъ бы увитой нѣжными цвѣтами и залитой теплыми, животворящими лучами солнца.

На раскраснѣвшемся личикѣ Кости загорается свѣтлая улыбка.

Подперевъ голову руками и свѣсивъ ноги на приступку, молчаливо же сидитъ рядомъ съ Костей работникъ Василий и тоже думаетъ...

За окнами потрескиваетъ морозъ. Гулко стучитъ колотушка ночного сторожа. А Костя и Василий сидятъ и молчатъ.

— Ая все думаю, — говоритъ, наконецъ, Василий: — хороший лизъ тебя, Костюшка, попь выйдетъ. Право слово, хороший попь.

И, дѣйствительно, Костя сталъ «попомъ».

Еще на школьной скамьѣ онъ окончательно опредѣлилъ свое призваніе. Работа пастыря въ темной народной средѣ властно манила его. Проведя все свое дѣтство и юность въ деревнѣ, Костя, теперь уже Константинъ Григорьевичъ, хорошо зналъ народъ, зналъ условія его быта, его нравы, характеръ. И всегда при этомъ сердце Константина Григорьевича больно болѣло за народное невѣжество, за его темноту и заброшенность.

— Вѣдь, у народа, — думалъ часто Константинъ Григорьевичъ, — есть свои завѣтныя думы. Его волнуютъ свои тревожные вопросы. Онъ ощущаетъ свою духовную жажду. Но куда пойти темному человѣку изъ народа съ его душевными муками? Кто отвѣтитъ на его пытливые вопросы? Такой же темный человѣкъ, какъ и самъ вопрошающій? Неудивительно поэтому, что въ нашей деревнѣ до сихъ поръ держатся грубыя суевѣрія, зарождаются всякія сумасбродныя и нелѣпыя ученія, распускаются чудовищныя слухи. Неудивительно и то, что какой-нибудь ловкій проходимецъ безъ особаго труда сбиваетъ нашего престолодина съ истиннаго пути, толкая его на разныя опасности и бѣдствія. И какъ же тяжело поэтому, вздыхалъ Константинъ Григорьевичъ, — жить народной жизнью въ ея цѣломъ, какъ душно дышать ея атмосферой! Несомнѣнно, и самъ народъ глубоко сознаетъ всю ненормальность, все убожество своей жизни и живо, упорно стремится къ жизни лучшей, болѣе свѣжей и здоровой. Но на пути этихъ стремленій народъ мало встрѣчаетъ

вѣрныхъ руководителей. Все болѣе или менѣе свободное и смѣлое привлекаетъ народъ, и онъ чутко прислушивается—не здѣсь ли правда жизни, не тамъ ли выходъ изъ его тяжелаго положенія? Возникаетъ въ русской церкви расколъ, имѣются русскіе люди въ буквѣ «азъ» полагаютъ все свое спасеніе и за этотъ «азъ» идутъ на смертныя муки, на сожженіе. Появляются на Руси секты, и русскіе люди отъ одного безумства переходятъ къ другому, вѣруя, что въ безуміи таинственно скрывается высшій разумъ. Такъ сильна въ нашемъ народѣ жажда истины! Но эта же жажда удерживаетъ народъ и въ церковной оградѣ. Она же заставляетъ его плотнѣе и плотнѣе тѣсниться къ церковному алтарю.

— Вотъ, если бы, — нерѣдко говорилъ Константинъ Григорьевичъ въ бесѣдахъ съ товарищами: — если бы яснѣе представить народному сознанію церковную истину, глубже въдрить ее въ народную душу, распространить ее на всѣ стороны народной жизни, какимъ яркимъ свѣтомъ засвѣтилась бы тогда наша деревня! Народъ пересталъ бы тогда гоняться за разными миражами, онъ увидѣлъ бы, что истина единая, вѣчная содержится въ пастырской проповѣди. Сгладились бы и роковыя противорѣчія между вѣрой и жизнью народной. Вѣдь, если теперь между христіанской вѣрой и народной жизнью лежитъ зіяющая пропасть, такъ это — главнымъ образомъ — отъ блѣднаго представленія народомъ истинъ вѣры, отъ того тумана, какимъ окутаны онѣ въ его сознаніи. Но, вотъ, разсѣять бы этотъ туманъ, прояснить бы для народа христіанскую истину.

Единственно просвѣщеннымъ руководителемъ народа въ глазахъ Константина Григорьевича былъ священникъ, а потому дѣятельность священника съ давнихъ поръ и привлекала его.

Принявъ же священный санъ, о. Константинъ отдался дѣлу своего служенія со всѣмъ энтузіазмомъ юной души.

О. Константинъ зналъ, насколько благотворно и воспитывающе дѣйствуетъ на душу христіанское богослуженіе, полное возвышеннаго содержанія, облеченное въ умилительныя поэтическія формы. Поэтому возможно лучшему устройству богослуженія о. Константинъ посвятилъ особенное свое вниманіе.

Приходъ о. Константину достался запущенный и блѣдный. Храмъ былъ ветхій, полуразвалившійся. Внутреннее его убранство было неприглядно. Иконы темныя. Позолота на иконостасѣ тусклая. Полъ вытертый, потрескавшійся. Церковное пѣніе было

развито слабо. Почти одинъ только старый дьячекъ тянулъ на клиросѣ всѣ службы. И только иногда, въ самые большіе праздники, становился на клиросѣ и подтягивалъ дьячку пискливымъ и фальшивымъ фальцетомъ старый же николаевскій солдатъ Никанорычъ, едва разбиравшій церковную грамоту. Много трудовъ стоило о. Константину привести храмъ въ надлежащій порядокъ, обновить его, украсить новымъ иконостасомъ, утварью. Устройство хора было предметомъ наиболѣе настойчивыхъ заботъ о. Константина. Въ открытой имъ церковно-приходской школѣ онъ занимался самъ почти съ утра до вечера. Законъ Божій смѣнялся русскимъ языкомъ и объяснительнымъ чтеніемъ. Объяснительное чтеніе уступало мѣсто арифметикѣ. А вечеромъ батюшка опять собиралъ учениковъ и пѣлъ съ ними пѣснопѣніе за пѣснопѣніемъ. Эти занятія были новыя для прихожанъ о. Константина. Въ большомъ количествѣ собирались они у двери и оконъ школы, помѣщавшейся въ одной изъ обыкновенныхъ крестьянскихъ избъ, прислушивались къ дружному пѣнію своихъ ребятишекъ и восторженно говорили: — Ну, и попь! Ну, и попь! Эхъ, и мудрый! Эхъ, и работащій! Продли ему, Господи, вѣку. И какой же отрадой наполнилось сердце о. Константина, когда, благодаря своимъ трудамъ, онъ совершалъ теперь торжественныя службы! — Истово и проникновенно читалъ онъ ектеніи и произносилъ возгласы. Могуче гремѣли хоры на правомъ и лѣвомъ клиросахъ. Нѣкоторыя же пѣснопѣнія исполнялись всею церковью. Введеніе общаго пѣнія давалось о. Константину особенно трудно. Народъ не привыкъ къ пѣнію. У него не было для этого достаточной развитости. Но о. Константинъ зналъ, насколько важное значеніе для его пасомыхъ должно имѣть общее пѣніе, давая имъ возможность активно участвовать въ богослуженіи, быть не зрителями только совершающагося въ храмѣ, а жить одною жизнью со священнослужителями.

— Католичество и наши секты, — говорилъ часто о. Константинъ: — сильны, между прочимъ, и тѣмъ, что даютъ вѣрующимъ возможность активнаго участія въ богослуженіи. Поэтому о. Константинъ не останавливался ни предъ какими трудностями въ дѣлѣ устройства общаго пѣнія. Онъ въ церкви во время богослуженія разставлялъ своихъ учениковъ группами по разнымъ мѣстамъ и заставлялъ ихъ пѣть важнѣй-

шія пѣснопѣнія литургіи. Народъ прислушивался къ пѣнію учениковъ и постепенно пріучался подпѣвывать имъ. Но когда общее пѣніе въ церкви о. Константина установилось, то сколько новой силы и новой красоты сообщилось его службамъ. Особенно ярко это сказывалось во время крестныхъ ходовъ. Любилъ ихъ о. Константинъ. Переливаются на солнцѣ золоченыя кисти хоругвей. Качаются она рукахъ богомольцевъ большія иконы. Позади о. Константина сотни народа, и изъ сотенъ устъ, какъ изъ однихъ, несутся слова мольбы или гимны благодаренія.

— Вѣдь, это воинство, — думаетъ о. Константинъ въ такіхъ случаяхъ. — У насъ есть враги. Много ихъ. Но развѣ страшны они намъ при такой нашей сплоченности при такомъ одушевленіи? Пусть насъ немного, но наша сплоченность, наше единеніе смутить хоты кого.

И о. Константинъ запѣвалъ какое-либо новое пѣснопѣніе. Звонкій, серебристый голосъ его сейчасъ же заглушался головами толпы.

— И, вѣдь, каждое издѣсь слово, каждая фраза — урокъ, поученіе. Больше только нужно уяснить смыслъ этихъ художественныхъ пѣснопѣній, раскрывать эту удивительную ихъ поэзію и прелесть.

И, дѣйствительно, о. Константинъ былъ неутомимымъ проповѣдникомъ. Можно сказать, его церковная кафедра была въ то же время и школьной. Онъ толковалъ евангелія, посланія, церковныя пѣснопѣнія, чины службъ. На внѣбогослужебныхъ же бесѣдахъ о. Константинъ читалъ житія святыхъ, рассказы изъ церковной исторіи и т. п. Когда стали входить въ обыкновеніе вечернія школьныя чтенія, о. Константинъ скоро однимъ изъ первыхъ въ округѣ организовалъ и такія чтенія и самъ сдѣлалъ волшебный фонарь. Народъ постепенно посвящался въ тайны русскаго прошлаго, узнавалъ о жизни вокругъ себя (и подъ всей землѣ русской), а также и о жизни въ другихъ земляхъ. О. Константинъ читалъ и изъ медицины, и изъ гігіены, и проч. Главнымъ же предметомъ чтеній о. Константина въ школѣ было народное хозяйство. Крестьяне до тѣсноты наполняли теперь уже спеціально подъ школу выстроенное зданіе и не могли надивиться усердію батюшки.

А батюшкино усердіе росло словно не по днямъ, а по часамъ.

Развитію на селѣ пьянства, распространенію шинковья,

Константинъ противопоставилъ обществу трезвости. При этомъ обществѣ батюшка завелъ особую библиотечку съ книжками и листками о пьянствѣ. Самъ, о. Константинъ заботливо разъяснялъ прихожанамъ вредъ алкоголя для здоровья, для хозяйства.

— Посмотрите, — говорилъ о. Константинъ крестьянамъ въ урожайный годъ: — вотъ у насъ теперь большой урожай. Иному изъ васъ для прокормленія всей семьи нужно на годъ пудовъ сто всѣхъ сортовъ хлѣба. А уродилось-то у него не сто пудовъ, а триста и даже четыреста. Получается большой излишекъ. Куда дѣвать его? Конечно, продать и излишекъ хранить. Или же хранить самый хлѣбъ. И, вотъ, въ случаѣ неурожая, какіе у насъ часто бываютъ, не испытывали бы мы такой нужды, какъ обыкновенно, не ѣли бы желудей и, сидя за столомъ, не косились бы другъ на друга, не опасались бы, чтобы кто-нибудь изъ домашнихъ — отецъ или сестра — не съѣли лишняго куска. Но многіе ли догадываются дать вѣрное назначеніе лишнему хлѣбу? Не всѣ ли почти по рублю да по полтиннику снесутъ свой урожай на водку? Вотъ, въ чемъ бѣда. И здѣсь большая причина нашей бѣдности. Спросите-ка свѣдущихъ людей: сколько у насъ на Руси выпивается водки? Сколько расходуется на нее денегъ? Страшно сказать: выпиваютъ у насъ водки десятки милліоновъ ведеръ и тратятъ на нее десятки же милліоновъ рублей. И удивительно: много разныхъ народовъ живетъ по русской землѣ; но никто не пьетъ такъ, какъ пьютъ русскіе. Сами видите: татары развѣ сравняются по выпивкѣ съ русскими? Евреи сравняются? Конечно, нѣтъ. У насъ даже поговорка сложилась: «что, говорятъ, русскому здорово, то нѣмцу — смерть». Какъ видите, мы не только не стѣсняемся, но даже гордимся тѣмъ, что можемъ пить больше другихъ. И какъ же это при- скорбно! Только по легкомыслію можемъ мы думать, будто вредное для другихъ здорово для насъ. Подумайте поглубже: сколько у насъ народу умираетъ раньше времени? А отчего? Между прочимъ и отъ пьянства. Гдѣ богаче люди живутъ: у насъ, или въ другихъ странахъ? — То-то. Значитъ, не все намъ здорово. И, конечно, не здорова водка.

Рѣчи о. Константина всегда привлекали слушателей. Его общество трезвости процвѣтало. Знаніе и просвѣщенность въ народѣ росли. Достатокъ увеличивался.

— Образцовое село! — говорили въ округѣ о приходѣ о. Константина.

И имя о. Константина окружалось уваженіемъ и почетомъ.
— Вѣдь, вотъ, ѣдешь другимъ селомъ,—говорили часто въ сосѣднихъ о. Константину селахъ:—то на пьянаго на какого налетишь, то на драку, на скандалъ, а то еще и тебѣ ни съ того, ни съ сего каверзу какую устроятъ. А у о. Константина ничего подобнаго. Въ его селѣ чувствуешь себя какъ дома. Днемъ ли, ночью ли — все равно. Право...

Успѣхъ о. Константина окрылялъ его въ его дѣятельности, и онъ отъ одного добраго предпріятія переходилъ къ другому.

Николай *Волжанинъ*.

(Продолженіе будетъ).

НАСКЖОНЪ ЖЪТЪ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Годы шли.

У о. Константина стали подростать дѣти. Къ заботамъ и хлопотамъ по приходу прибавлялись новыя заботы—домашнія.

До сихъ поръ о. Константинъ никогда не жилъ о хлѣбѣ единомъ. Больше того: онъ не жилъ просто о хлѣбѣ. Онъ всегда приходилъ въ полное и искреннее недоумѣніе, когда слышалъ рассказы о вымогательствѣ кого-либо изъ товарищей-пастырей. Онъ положительно не понималъ, какъ психологически возможно какое-то вымогательство. Самъ о. Константинъ довольствовался тѣми даяніями за требы, какія ему предлагались. Да и этимъ онъ никогда не подводилъ итоговъ, и если бы не сослуживецъ псаломщикъ да не матушка, то о. Константинъ едва-ли бы могъ сказать что-нибудь въ отвѣтъ на частый вопросъ стороннихъ священниковъ:

Ну, каковъ у васъ приходъ? Велики-ли доходы?

Но когда стали подростать дѣти, о. Константинъ увидѣлъ, что онъ игнорируетъ одну изъ важныхъ сторонъ своей жизни. Вопросы о томъ, чтобы напоить—накормить, обуть—одѣть и т. п., встали предъ о. Константиномъ во всей своей наглой наготѣ и беспощадной жестокости. Вездѣ въ училищахъ лаконически спрашивали съ него деньги за дѣтей, и въ то, что у него денегъ нѣтъ, никто не вѣрилъ. О. Константинъ по необходимости сталъ внимательнѣе относиться къ своимъ матеріальнымъ средствамъ. Теперь онъ уже считалъ, сколько даютъ ему за требы, спрашивалъ, почему тотъ или другой прихожанинъ не можетъ заплатить ему за похороны, освѣдомлялся, когда же заплатить, долги записывалъ и даже напоминалъ о нихъ. Прихожане понимали, чѣмъ объясняется эта перемѣна въ о. Константинѣ, и прощали ее ему. Не всѣ, впрочемъ. Разъ во время сбора рожью о. Константинъ услышалъ позади себя разговоръ: — Всѣ они такіе. На первыхъ порахъ только притворяются. А потомъ осматрятся—только подавай. И спасибо не скажутъ.

И о. Константинъ опять сталъ стѣсняться всего, что касалось его матеріальнаго содержанія. Теперь онъ опять ни у кого не спрашивалъ денегъ за требы, опять не записывалъ дол-

говѣ, и только во взглядѣ его можно было прочесть нужду и просьбу.

И такъ онъ, какъ говорили о немъ прихожане, перебивался съ пятаго на десятое.

А подрастающая семья требовала отъ о. Константина все большаго и большаго. Естественно, что вниманіе его двоилось. Энергія слабѣла, силы падали. Незамѣтно для себя о. Константинъ, недавно еще молодой, стройный, цвѣтущій здоровьемъ, осунулся, поблѣднѣлъ и даже посѣдѣлъ. Станъ его склонился. Лицо покрылось сѣтью мелкихъ морщинъ.

— Когда же прошла жизнь?— удивлялся о. Константинъ, взглядывая иногда на себя въ зеркало.

Не думалъ онъ, что, отданная другимъ, она пройдетъ такъ быстро для него самого.

А дѣти становились совсѣмъ большими.

Катя, на которую самъ о. Константинъ все еще смотрѣлъ какъ на дѣвочку, окончила епархіальное училище и считалась невѣстой. А скоро подвернулся женихъ, и Катю просватали.

— Какъ это скоро!— поражался о. Константинъ:— удивительно скоро. Она же еще дѣвочка— маленькая, застѣнчивая, робкая.

Между тѣмъ Катѣ было уже 18 лѣтъ, и никто изъ постороннихъ не удивлялся, что она выходитъ замужъ. Наоборотъ: всѣ находили, что это очень своевременно и хорошо. Всѣ поздравляли о. Константина и шутливо напрашивались на свадьбу.

И свадьбу сыграли.

У матушки оказались кое-какія сбереженія. Они и пошли на свадьбу. Но были сдѣланы и большіе долги.

Между тѣмъ изъ дѣтей о. Константина учились въ одно время еще четверо. А кромѣ нихъ были еще и маленькія. О. Константинъ узналъ бѣдность во всей ея подноготной. При этомъ онъ особенно больно чувствовалъ свою матеріальную зависимость отъ прихожанъ.

— Боже мой, Боже мой!— нерѣдко восклицалъ онъ:— если не родится сынъ у Григорія Максимыча или не умретъ свекровь у Матрены, то я съ семьей долженъ сидѣть безъ копейки денегъ и голодать. Почему не иначе какъ-нибудь устроено это? Ужели совершенно нельзя? Зачѣмъ привязали меня ко всѣмъ этимъ конкретнымъ случаямъ и заставили смотрѣть людямъ въ глаза и ждать—ждать?

Дѣйствительно, случилось, что о. Константинъ въ тяжеломъ уныніи ходилъ по своему кабинету и ожидалъ хотя бы какой-нибудь тѣбы, чтобы получить рубль—другой на пудъ пшеничной муки, на чай, на мыло, или керосинъ. И бывало, что въ такихъ случаяхъ о. Константинъ радовался даже похоронамъ! Да, радовался. Но онъ глубоко въ себѣ скрывалъ это недоброе чувство. Все же отъ сознанія того, что это чувство въ немъ было, о. Константинъ мучительно страдалъ.

Терзался онъ своею бѣдностію и предъ дѣтьми. Ему было какъ-то стыдно за себя, что дѣти его принуждены жить среди всякихъ лишеній, отказывать себѣ въ лишнемъ кускѣ, въ хорошемъ платьѣ, въ необходимыхъ удовольствіяхъ. О. Константинъ зналъ, что одинъ изъ его сыновей въ семинаріи пьетъ вмѣсто чая растворъ сушеныхъ корокъ чернаго хлѣба, другой сынъ не имѣетъ своихъ калошъ и часто надоѣдаетъ просьбами товарищамъ. Дочь, вопреки желанію и можетъ быть, призванію, не можетъ учиться игрѣ на піанино и т. д., и т. д.

— За что же они терпятъ?—думалъ о. Константинъ:—и какъ покорно, какъ робко! О, если бы я могъ сдѣлать для нихъ что-нибудь хорошее, радостное! Но что, что?

И иногда о. Константинъ стѣснялся смотрѣть своимъ дѣтямъ въ глаза. Разговоры съ ними у него какъ-то не клеились. А порой въ голову о. Константина приходили дерзкія мысли:

— Вѣдь, вся эта нищета отъ слабости моей,—отъ душевной слабости. Нужно быть тверже. Нужно стать такимъ же, какъ и другіе. Вонъ нѣкоторые... Наживаются... Ужели я не могу? Не можетъ быть. Пустяки. Нужно поправить.

Но сейчасъ же о. Константинъ гналъ отъ себя грѣшныя мысли, бичевалъ себя за допущенное малодушіе и, вставая предъ иконой, начиналъ молиться.

Молитва укрѣпляла ослабѣвшую душу о. Константина, и онъ приходилъ къ мысли о какомъ-нибудь полезномъ предпріятіи.

— Надо заняться хозяйствомъ, сказалъ какъ-то разъ себѣ о. Константинъ:—вотъ, дѣла и поправятся.

И о. Константинъ расширялъ свою хозяйственную дѣятельность. Онъ нанималъ работниковъ, пахалъ и засѣвалъ землю, ѣздилъ на базары съ хлѣбомъ, кормилъ для продажи то телятъ, то свиней, завелъ пчельникъ, а отъ хозяйства переходилъ къ проповѣдямъ, къ чтеніямъ, къ службѣ.

— Бьется, какъ птица въ силкахъ. И какъ еще это у него мочи достаетъ, — отзывались о батюшкѣ знакомые.

Дѣти у о. Константина учились хорошо. Старшій окончилъ уже семинарію. О. Константинъ въ глубинѣ души своей желалъ видѣть его своимъ сопастыремъ, соратникомъ на нивѣ Христовой. Но сынъ не хотѣлъ принимать священнаго сана.

И отецъ понималъ это.

— Онъ видитъ мою бѣдность, — думалъ отецъ о сынѣ: — знаетъ также возможность постоянного уклона съ той высоты, на которой неизмѣнно долженъ стоять пастырь церкви. А отсюда его страхъ возложить на себя тяжелый крестъ.

Окончивъ семинарію, сынъ сталъ учителемъ.

— Тоже тяжелый крестъ, — думалъ отецъ. Не пронесешь его долго. Много же силъ надо.

И отецъ скорбѣлъ о сынѣ, молился о немъ.

По стопамъ старшаго пошелъ и слѣдующій сынъ.

— Кто же изъ васъ, дѣтки, пойдетъ по отцовской дорожкѣ? — спросилъ разъ отецъ дѣтей.

Но онъ и самъ не ожидалъ никакого отвѣта на свой вопросъ. Онъ зналъ, что никто изъ его дѣтей не захочетъ сказать горькой неправды:

— Никто не пойдетъ.

И о. Константинъ вмѣсто отвѣта на свой вопросъ самъ же усмѣхнулся грустной улыбкой.

И отъ этой улыбки всѣмъ стало неловко и какъ бы досадно.

Почему же въ самомъ дѣлѣ никто изъ насъ не хочетъ пойти по стопамъ отца? — подумали дѣти: — вѣдь, этимъ мы будто осуждаемъ путь отцовской жизни.

А время шло.

Подросталъ и послѣдній сынъ о. Константина. Этотъ сынъ съ раннихъ лѣтъ обнаруживалъ наклонность къ свѣтскимъ наукамъ и любилъ много говорить.

— Ну, изъ тебя, — шутилъ иногда отецъ: — выйдетъ или проповѣдникъ знаменитый, или адвокатъ.

Когда пришло время, сынъ захотѣлъ быть адвокатомъ и сталъ проситься въ университетъ.

Долго думалъ о. Константинъ, какъ ему поступить.

— Въ жизни много терній, — разсуждалъ онъ: — много горя. При вѣрѣ и въ горѣ можно радость находить. Но, вотъ, безъ вѣры... Какъ безъ вѣры жить? А, вѣдь, университетъ, говорятъ, часто отнимаетъ вѣру.

— Пустые страхи, — являлась въ противовѣсъ разсужденіямъ о. Константина новая мысль: — что можетъ отнять вѣру у твердо вѣрующаго? А слабая вѣра и безъ университета какъ разъ потухнетъ. И развѣ мало искренно вѣрующихъ выходитъ изъ университета? Вонъ, докторъ въ Покровскомъ. Мировой судья былъ въ Анненковѣ. Да и мало ли еще! И такіе все хорошіе, славные люди! Пустое! Что еще за предрасудки. Если хочеть въ университетъ, пусть идетъ. Да и какъ быя могъ удержать его? Средства, вотъ, только. Ну, да не привыкать. Какъ-нибудь понатужимся. Учителемъ-то вѣдь тоже трудно вѣкъ прожить. Вонъ, старшій-то мается. Какъ бы чахотка еще не открылась. Кашлять что-то сталъ. Нѣтъ, Пусть, пусть поучится въ университетъ. Все веселѣе намъ будетъ. Это разнообразно, для насъ ново.

И младшій сынъ поступилъ въ университетъ.

Но мало радоваль о. Константинъ и онъ. На каникулы онъ пріѣзжалъ всегда какой-то задумчивый, даже мрачный. Въ письмахъ же былъ неизмѣнно кратокъ и сухъ. Напрасно матушка, надѣвъ большіе очки въ толстой кожаной оправѣ, старалась прочитатъ въ нихъ что-нибудь нужное и дорогое сердцу. Письма были сухи и ничего не говорили материнской любви.

И книги у молодого студента были все новыя, особенныя, съ новымъ, непонятнымъ о. Константину содержаніемъ. И когда онъ заговаривалъ съ кѣмъ-нибудь изъ постороннихъ, то и въ разговорахъ этихъ было что-то отдалявшее его и отъ о. Константина и отъ старой матушки.

— Чужой онъ намъ, — говорилъ иногда матушкѣ о. Константинъ: — не понимаемъ мы его, а онъ насъ. Понятно, онъ молодъ, а мы устарѣли. Вотъ, и пропасть такая.

— А ты не отставай, — совѣтовала матушка: — бодрись. Не столбѣнній.

И о. Константинъ старался бодриться.

Онъ съ удивительной добросовѣстностью прислушивался къ разговорамъ и разсужденіямъ сына, стараясь уловить ихъ сокровенный смыслъ, просилъ у него себѣ для чтенія книги, а иногда, затворясь у себя въ кабинетикъ, просматривалъ семинарскія свои старинныя сочиненія. Но — оу! — многое въ сынѣ оставалась ему непонятнымъ. А что ему удавалось понять, — это казалось о. Константину слишкомъ слабымъ и даже незаслуживающимъ вниманія.

— Не въ этомъ же соль! — говорилъ онъ и безнадежно махалъ рукой: — нѣтъ. Должно быть наше время прошло. Молодость теперь не возвратитъ. И молодости не понять.

И все глубже и глубже становилось у о. Константина сознание, что скоро уже по отношенію къ жизни онъ станеть совсѣмъ отрѣзаннымъ ломтемъ.

Въ минуты особенной остроты этого горькаго сознанія о. Константинъ обращался къ Богу, въ Немъ полагая свое утѣшеніе, свою нестарѣющую жизнь. И въ этихъ случаяхъ служба о. Константина была изумительной по истовости, по проникновенности чувства. Голосъ у о. Константина былъ уже слабый, замѣтно дряхлѣлъ, но несмотря на это попрежнему ярко выражалъ силу и глубину вѣры батюшки — молитвенника, какъ называли его часто посторонніе.

Годъ за годомъ шли неурожай. О. Константинъ сократилъ занятія хозяйствомъ. Землю сталъ сдавать въ обработку исполу, скотъ распродать, оставивъ только корову и лошадь. О. Константинъ никуда уже почти не ѣздилъ, и лошадь у него оставалась чуть ли не для однихъ только посылокъ на почтовую станцію за письмами отъ дѣтей и за газетой.

Въ этихъ письмахъ для о. Константина и для матушки скрывался теперь одинъ изъ главнѣйшихъ нервовъ жизни. Отходя отъ жизни, они съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдили за жизнью дѣтей, вспоминая въ ея колебаніяхъ то къ радости, то къ горю свое прежнее счастье и свои прежнія несчастья.

Оставивъ маленькое хозяйство, о. Константинъ рѣшилъ жить безъ работника даже по зимамъ.

— Приходъ у меня маленькій, — говорилъ онъ; — дѣло приходское налажено уже съ давнихъ поръ — слава Богу, а силы слабѣютъ. На свѣжемъ же воздухѣ поработать полезно. Да старъ ужъ сталъ. Голова работать устаетъ. Иной разъ и почиталъ бы, и пописалъ бы, да нѣтъ ужъ. Силъ не достаетъ. Къ тому же, вотъ, неурожай. Доходишки плохіе стали. А безъ работника — все экономія.

И о. Константинъ работалъ самъ.

А въ памяти его всплывали воспоминанія ранняго дѣтства, когда онъ, пріѣзжая къ отцу своему — діакону на каникулы изъ духовнаго училища, помогалъ работнику Василию мѣсить коровамъ, чистить лошадей.

— Какъ все это недавно было, — вспоминалъ о. Константинъ; — посмотришь, такъ и лошадь то эта словно отцовская буланка. И корова эта будто буренка, которую я по вечерамъ водилъ на вожжахъ за рога въ садъ, пасъ тамъ. Любимое занятіе! Какъ я всёмъ надоѣдалъ съ нимъ.

— Да сыта, сыта ужъ, — говорили мнѣ.

— Нѣтъ, пусть еще она полакомится свѣжей травкой, — настаивалъ я.

И какими ласковыми глазами смотреть, бывало, на меня буренка. Понимала мою любовь.

Такъ о. Константинъ мало по малу весь уносился въ міръ давно минувшихъ дней дѣтства, юности. И въ воспинаніяхъ прошлого онъ замѣтно оживлялся, обновлялся и приходилъ домой веселый, радостный, и начиналъ рассказывать матушкѣ о томъ, какъ она, будучи его невѣстой, заботливо доставала ему полотенце, когда онъ умывался, и какъ и онъ и она при этомъ конфузились и смотрѣли себѣ подъ ноги, или о томъ, какъ она плакала, когда въ первый разъ уѣзжалъ въ духовное училище старшій сынъ.

Матушка радовалась живости и словоохотливости мужа, и оба они садились обѣдать какъ бы на нѣсколько лѣтъ помолодѣвшіе.

Такъ о. Константинъ находилъ радость въ работѣ и считалъ ее отдыхомъ.

Но лучшимъ отдыхомъ для него были бесѣды съ прихожанами, а особенно со стариками, которые знали о. Константина молодымъ, помнили его первыя, полныя святого восторга рѣчи, первые уроки въ школѣ, первые разговоры при обходѣ прихожанъ на домахъ.

Придутъ въ лѣтній день крестьяне съ полей, пригонится съ луговъ скотина. Мужички несутъ въ плетюхахъ травы съ усадьбы, бабы торопятся загнать на дворъ овецъ, подоить коровъ. А потомъ всѣ — и мужики, и бабы, и набѣгавшіеся за день до полного изнеможенія сонные ребятишки — садятся гдѣ-нибудь въ проулкахъ между избами подъ раскидистыми ветлами и ужинаютъ.

— Пойти нешто къ батюшкѣ теперь покалякать, — говорили нѣкоторые послѣ ужина и направлялись къ батюшкину дому.

А батюшка уже въ ожидательной позѣ сидѣлъ на крыльчкѣ. Одинъ за другимъ подходили къ нему мужички, прини-

мали благословеніе и сѣдѣли туть же рядомъ на ступенькахъ и вблизи на заваленкѣ. Начинали съ того, у кого вчера или нынче родился или умеръ отъ поноса ребенокъ, какія дѣйствительны отъ поноса средства, кому пришла повѣстка на денги отъ сына изъ Иванова-Вознесенска или изъ Сибири, съ какими новостями прѣхаль изъ города Семень Петровичъ или Федоръ Николаичъ и т. д. Отъ дѣйствительности постепенно незамѣтно переходили къ прошлому. Говорили, что, вотъ, раньше народъ былъ какъ-то здоровѣе и выносливѣе. Правда, поидеть это бывало холера или еще что такое, такъ почистить народъ-отъ, да и опять все благополучно. А теперь народъ какой-то хлипкій сталъ. Чуть что,—уже и къ доктору ѣдетъ. И степеннѣе какъ-то былъ раньше народъ. Оно хоть и тусклѣе на видъ, а крѣпче. Теперь же посмотрѣть: и богаче все это, и красивѣй, и форсистѣй, а внутри человекъ какъ-то пустѣетъ.

— Ровно огурецъ съ дуломъ пошелъ нынѣшній человекъ, — вставлялъ кто-нибудь.

— Да,—соглашались съ говорившимъ,—словно дурной вѣтеръ какой вывѣтриваетъ теперешняго человека. Нѣжный какой сталъ да нетерпѣливый. Вынь да выложь. И всякое слово его развинчиваетъ, изъ себя вонь выбрасываетъ.

Къ собесѣдникамъ подходили молодые и, наклонивъ головы, прислушивались къ рѣчамъ старости и опыта. Иногда молодые не соглашались со стариками и вступали съ ними въ споръ.

— Вотъ какая нынче молодежь то,—шутливо и добродушно улыбаясь, говорилъ о. Константинъ:—не вѣрять старикамъ-то.

— Нешто,—смѣялись собесѣдники. И эти шутки удерживали молодежь и отъ рѣзкихъ выходокъ и отъ лишнихъ горячихъ словъ.

Н. Волжанинъ.

(Продолженіе будетъ).

НА С К Л О Н Ъ Ж Ъ Т Ъ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Время становилось тревожнымъ.

На Дальнемъ Востокѣ загрохотали пушки, и—какъ море великое—взбушевалась жизнь русская. И тамъ, и здѣсь зарокотали опасныя волны, поднимаясь все выше и выше. Въ движеніе пришло все и тамъ, гдѣ раньше былъ полный покой; шумъ рѣчей и всякаго рода споровъ поднялся и тамъ, гдѣ раньше царило глубокое молчаніе.

Къ крылечку о. Константина люди подходили съ новымъ вопросомъ: —

Ну, что, батюшка, какъ война? Не думаютъ ли смѣнить главнокомандующаго? —

О. Константинъ глубоко вздыхалъ.

Получаемая имъ газетка приносила вѣсти одна другой безутѣшнѣе, и о. Константину больно было сообщать ихъ собесѣдникамъ. Но за то какой же радостью наполнялось его сердце, когда онъ видѣлъ, какъ смиренно и покорно предъ Промысломъ Божиимъ выслушиваютъ собесѣдники всякія сообщенія о русскихъ неудачахъ и какъ живо вѣрятъ въ конечное торжество добра и правды.

— Вотъ что значитъ христіанство, — думалъ о. Константинъ; это величайшая философія. Во всякомъ горѣ, во всякой бѣдѣ христіанство дастъ утѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что такое слава, что такое могущество, если мы ихъ не заслуживаемъ? Все это только мѣдъ звенящая... Важна правда, важна внутренняя сила и чистота, а все остальное только прилагается.

Газетка же становилась все зловѣщей. Къ сообщеніямъ о несчастіяхъ войны присоединялись вѣсти о внутреннихъ нестройніяхъ. И число послѣднихъ все росло и росло. Писали, что въ однихъ мѣстахъ грабятъ чужое добро, въ другихъ нападаютъ на урядниковъ, мировыхъ судей, священниковъ, въ третьихъ — громятъ усадьбы, въ четвертыхъ — разрушаютъ рельсы и останавливаютъ поѣзда и т. дал., и т. дал. А потомъ наряду съ массовыми забастовками и погромами начался въ собственномъ смыслѣ дневной разбой.

— Господи помилуй! — пугался о. Константинъ: — да что же это такое? Сумасшествіе какое-то! Какъ же мало, должно быть, мы дѣлали, какъ плохо воспитывали народъ. Вѣдь всѣ эти ужасы оттого только, что народъ недостаточно хорошо проникся духомъ христіанства, недостаточно религіозенъ. Надо бы усилить дѣло народнаго просвѣщенія. Надо бы всѣ силы отдать на это. Моментъ опасный. Бездѣятельность въ это время можетъ привести къ роковымъ результатамъ. Да, да. Надо работать. Старъ я, но что же дѣлать?

О. Константинъ выписалъ новый журналъ, вторую газету. Онъ началъ тщательно слѣдить за новыми теченіями въ области русской мысли, старался уловить пульсъ новой жизни. Трудно давалась о. Константину эта работа. Какъ и раньше при чтеніи

книгъ сына, онъ многое совершенно не понималъ по той туманности и неопредѣленности формъ, въ какіе облеклись новыя ученія, а также и по расплывчатости очертаній въ самомъ содержаніи ученій. Что же казалось о. Константину понятнымъ, это онъ при свѣтѣ своей критики находилъ слишкомъ неудовлетворительнымъ. Для о. Константина было ясно лишь то, что люди мнутъ, страстно протестуютъ противъ всего настоящаго и неудержимо стремятся къ чему-то новому. Каково это новое—трудно опредѣлить. Но новое непременно должно быть. Иначе—люди, повидимому, готовы отказаться отъ самой своей жизни. Можно было подумать, что люди пережили все, чѣмъ они жили раньше.

— А о христіанство?—думалъ о. Константинъ:—да развѣ оно изжито? Наоборотъ: не слишкомъ ли мало жили мы до сихъ поръ христіанствомъ? Начать жить христіанствомъ не значило ли бы это вложить въ жизнь то новое содержаніе, какого такъ хотятъ современные люди?

И о. Константинъ въ своихъ проповѣдяхъ выяснялъ вѣчное значеніе христіанства, говорилъ о нерушимости законовъ христіанской жизни, объ ихъ существенной близости духовной природѣ человѣка.

И слова о. Константина дышали огнемъ, въ нихъ выливались его глубокія убѣжденія, и къ словамъ этимъ внимательно прислушивались тѣ, кто посѣщаль церковь.

Но о. Константинъ опасался, что его прихожане скоро могутъ услышать и другія проповѣди, что у него скоро могутъ быть сторонніе соперники, которые, дѣйствуя въ тиши и въ нѣкоторой тайнѣ, а главное въ отсутствіи противниковъ, могутъ имѣть свой успѣхъ.

— Долго ли сбить народъ съ толку. Вѣдь, церковь всетаки не школа. Всему не научишь. Все не уяснишь. Да и не всякому уясненію здѣсь мѣсто. А потому—слова мои могутъ и западать въ душу, но душа-то эта можетъ оказаться почвой, на которой потомъ выростуть тернія.

И о. Константинъ присматривался къ своимъ прихожанамъ: не переживаютъ ли они какихъ особенныхъ потрясеній.

Но долгое время о. Константинъ ничего не могъ замѣтить въ крестьянахъ своего прихода.

Попрежнему они были жизнерадостны и вмѣстѣ кротки, попрежнему довѣрчивы и откровенны и попрежнему собирались

къ о. Константину на бесѣды, дѣля здѣсь съ нимъ и горе, и радости. Правда, нѣкоторые изъ крестьянъ становились какъ будто задумчивѣе и молчаливѣе, но изъ этого о. Константинъ не дѣлалъ еще никакихъ пугающихъ выводовъ. Бывало и то, что иногда среди бесѣды глаза о. Константина встрѣчались съ глазами, смотрящими исподлобья, подозрительными и даже недружелюбными. Но и этому о. Константинъ не придавалъ сначала большого значенія.

— Тихо, тихо здѣсь,—думалъ онъ часто;—по Божьему, Думаю даже, что эта бѣда такъ и пройдетъ мимо насъ.

Однако, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше замѣчалъ о. Константинъ въ своихъ прихожанахъ и какой-то беспокойной серьезности, и подозрительности, и недовѣрчивости къ батюшкѣ.

Разъ, выходя изъ церкви, о. Константинъ встрѣтился съ молодымъ крестьяниномъ, недавнимъ своимъ ученикомъ по школѣ. Всегда до сихъ поръ привѣтливый и деликатный, онъ посмотрѣлъ на батюшку взоромъ злымъ и враждебнымъ. И при этомъ лицо у него было возбужденное и блѣдное.

— Что это съ тобой, Степанъ?—спросилъ о. Константинъ:—ты какъ будто не здоровъ?

— А тебѣ что за дѣло?—огрызнулся Степанъ:—ишь, забота какая напала.

О. Константинъ недоумѣвалъ.

— Должно быть начинается постороннее вліяніе,—подумалъ онъ:—Господи! Пронеси бѣду.

Между тѣмъ крестьяне все рѣже подходили къ батюшкѣному крылечку. Да и тогда, когда подходили, были какъ будто неискренни, тая въ себѣ что-то новое и недоброе.

— Ну, что? Какъ у васъ тутъ дѣла?—спрашивалъ батюшка:—что хорошаго? Вѣстей какихъ нѣтъ ли?

Крестьяне виновато улыбались, какъ-то таинственно переглядывались и односложно говорили:

— Да нѣтъ.

— Ничего не слышно.

— Все по старому.

И только уже когда стало слышно, что горятъ усадьбы по близости въ знакомыхъ селахъ и убиваютъ почталѣоновъ на ближайшихъ станціяхъ, нѣкоторые крестьяне не могли скрыть отъ батюшки.

— И наши-то мужики такое толкуютъ, такое толкуютъ, что страсть.

— Ну, что же?—говорилъ о. Константинъ: толковать мало ли что можно. Что изъ того, если кто передастъ посторонній слухъ, расскажетъ о томъ, что ему говорили со стороны. Другое дѣло, если съ этими толками соглашаются, если ихъ всей душой принимаютъ. Но, вѣдь, этого навѣрно нѣтъ? Мои пасомые люди серьезные, разсудительные и всякому толку сразу не повѣрятъ.

— И-и, батюшка!—отвѣчали о. Константину:—не только соглашаются, а—прямо сказать—только и ждутъ, какъ бы этакое дѣльце устроить.

— Не знаю... Даже не вѣрится какъ-то,—качалъ головою батюшка:—изъ молодыхъ развѣ кто?..

— Изъ молодыхъ-то изъ молодыхъ, да и не молодые-то присматриваются.

Послѣ такихъ разговоровъ о. Константинъ долго не могъ заснуть и иногда до самой зари сидѣлъ у окна и смотрѣлъ поверхъ деревьевъ въ полисадникъ въ черное небо, и сердце его кровью обливалось, когда вдругъ на черномъ небѣ появлялся огненный столбъ зарева.

Въ волненіи о. Константинъ вставалъ со стула и начиналъ нервно ходить по своему кабинету.

— Нѣтъ,—думалъ онъ:—это просто массовое, эпидемическое потемнѣніе. Просвѣщать и просвѣщать нужно. О, если бы Господь далъ силъ!.. И прежде всего нужно дѣйствовать на молодежь. Это она первая поддается внушеніямъ и искушеніямъ со стороны. Но какъ дѣйствовать на молодежь? Въ церкви? Но въ церкви въ послѣднее время молодыхъ какъ-то немного и бываетъ. Въ школѣ развѣ? Но, вѣдь, тамъ, собственно, дѣти.

Все же о. Константинъ усилилъ свою пастырскую дѣятельность въ школѣ.

Но и здѣсь уже явно чувствовались перемѣны, ставившія дѣятельности о. Константина значительныя преграды.

Дѣти, всегда внимательныя раньше, становились все непослушнѣе. О. Константину приходилось употреблять много усилий на водвореніе самой дисциплины въ классѣ. Если раньше для какого нибудь шалуна было достаточно одного внушительнаго взгляда, одного даже маленькаго, даже ласковаго упрека, то теперь оказывались бездѣйственными самыя серьезныя и стро-

гія увѣщанія. Ученики будто намѣренно устраивали въ классѣ всякія небывалыя раньше выходки: слишкомъ громко хлопали дверью, прятали отъ батюшки мѣлъ, шумно разговаривали во время его уроковъ.

Можно было подумать, что ученики знаютъ о батюшкѣ что-то такое, что лишаетъ его права на авторитетъ и уваженіе со стороны учениковъ, и что ученики молчатъ объ этомъ только до поры до времени.

И это время настало.

Какъ-то разъ одинъ изъ учениковъ въ классѣ не хотѣлъ ничего отвѣчать батюшкѣ. Несмотря на всѣ убѣжденія и даже просьбы сказать, почему онъ не хочетъ отвѣчать, ученикъ упорно молчалъ.

— Можетъ быть, ты недоволенъ чѣмъ нибудь,—говорилъ батюшка:—разстроены? Болены? Ну что же? Садись. Я тебя послѣ спрошу.

— Не разстроены я... не болены,—скороговоркой отвѣчалъ ученикъ:—а не хочу.

— Но почему же?
Ученикъ густо покраснѣлъ. Въ глазахъ у него блеснула какой-то зеленый огонекъ, и онъ проговорилъ:

— Довольно ты насъ...
Голосъ его дрогнулъ, и онъ только тихимъ шопотомъ до-
сказалъ:

— ...обманывалъ.

Классъ насторожился.

— Что, что такое я сдѣлалъ?—не дослышалъ батюшка.

Ученикъ молчалъ.

— Что онъ сказалъ?—спрашивалъ батюшка школьниковъ.

Отвѣта не было.

— Обманывалъ я васъ?

Ученики неловко мялись на своихъ мѣстахъ.

— Нѣтъ,—прокричалъ кто-то мягкимъ, участливымъ голосо-
мъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—повторяли другіе такіе же голоса.

— Да,—послышался сзади искусственный басъ.

Оказывалось, въ классѣ была своя партійность.—
— Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ сказалъ, что я ихъ обма-
нывалъ:—не могъ успокоиться потомъ батюшка:—Боже мой,
Боже мой! Какое обвиненіе! И откуда?—Со стороны почти ре-

бенка! О, какъ нужно быть внимательнымъ! Какъ зорко нужно смотрѣть вокругъ.

И на самомъ дѣлѣ гроза приближалась.

Теперь уже не было иныхъ разговоровъ, какъ только о томъ, удачно ли былъ обставленъ грабежъ на такой-то дорогѣ, вся ли усадьба сгорѣла въ Н—скомъ, много ли крестьянъ или стражниковъ убито при столкновении въ З—скѣ... И объ этихъ грабежахъ и убійствахъ говорили не какъ о результатахъ какой-то чудовищной спутанности понятій въ горячихъ головахъ и иногда полной потери нравственной чуткости, а какъ о дѣлахъ величайшей важности, какъ о чемъ-то славномъ и геройскомъ. Въ силу этого убійства и грабежи распространялись все больше и больше. Грабили и убивали не только помѣщиковъ и станovýchъ, но и другъ друга, и не только богатыхъ, но и бѣдныхъ. Бѣдный и слабый даже менѣе другихъ былъ застрахованъ отъ насилія. У вдовы отнимали послѣднюю курицу. Въ погребкахъ пропадали яблоки, яйца и даже огурцы. У бобыля отнимали послѣдній кафтанъ.

Въ приходѣ о. Константина становилось все шумнѣе и тревожнѣе. Почти во всякое время на улицахъ можно было видѣть кучки мужиковъ, оживленно о чемъ-то говорившихъ, спорившихъ, ругавшихся громкими озлобленными ругательствами, часто пьяныхъ. Бывали случаи дракъ и увѣчий между закадычными друзьями.

— И чего они дѣлать, чего дѣлать?—удивлялся о. Константинъ:—и обыкновенно шелъ на шумъ.

Но крестьяне все неохотнѣе посвящали его въ свои дѣла и тайны. Видно было, что какой-то сторонній руководитель по своему отрекомендовалъ имъ „попа“ и въ пору всяческихъ слуховъ, обѣщаній, своеобразныхъ пророчествъ сумѣлъ внушить имъ, что въ этой рекомендаціи чистая правда.

И все грустнѣе и грустнѣе становился взоръ о. Константина, а голова какъ будто больше бѣлѣла.

И вопросъ „что же дѣлать?“—начиналъ неотвязно преслѣдовать о. Константина.

— Старъ я сталъ. Посовѣтоваться съ молодыми іереями нужно,—говорилъ иногда самъ себѣ о. Константинъ.

Но и молодые, и старые его сослуживцы въ большинствѣ случаевъ мучились этимъ же короткимъ вопросомъ:

— Что дѣлать?

Стоялъ яркій весенній день. Полевая работа еще не начинались. Было воскресенье. У о. Константина только что окончилась служба. Выпивъ стакана два чаю, о. Константинъ вышелъ на крылечко подышать свѣжимъ весеннимъ воздухомъ и полюбоваться видомъ синѣющего вдали и окутаннаго розовой дымкой лѣса. Сначала о. Константинъ не замѣчалъ на селѣ ничего особеннаго. Даже обычныхъ кучекъ было какъ-будто меньше. Но потомъ до его слуха сталъ доноситься глухой шумъ. Можно было догадаться, что гдѣ-то идетъ большая народная толпа. Иногда изъ общаго гула голосовъ выдѣлялись отдѣльные рѣзкіе выкрики.

— Это должно быть на нижнемъ порядкѣ,—подумалъ о. Константинъ: гдѣ нибудь въ проулкѣ. Не около ли сельскаго старосты? Да. Пожалуй, такъ и будетъ. Но что же это тамъ такое? Сходки въ эту пору не можетъ быть. Рано еще. Да и по какому бы случаю могла быть сходка?

А по улицамъ можно было видѣть быстро бѣгущія фигуры мужиковъ и бабъ, направлявшихъ именно къ нижнему порядку.

— Ужели и къ намъ поспѣли?—мелькнуло въ головѣ о. Константина предположеніе.

О. Константинъ приподнялся на своемъ крылечкѣ и, шляпой прикрывая глаза отъ солнца, всматривался по направленію къ нижнему порядку.

— Чего ты, батюшка, тутъ стоишь?—прокричалъ суетливо пробѣгавшій мимо мужикъ:—а ты туда идемъ...

— Что тамъ такое?—спросилъ батюшка.

— Да тамъ пріѣхали какіе то люди. Читаютъ объявленія... Манихвесты... Все объ зем-лѣ-ѣ,—уже на бѣгу протянулъ мужикъ.

— Въ самомъ дѣлѣ развѣ пойти?—подумалъ о. Константинъ.

И сейчасъ же рѣшилъ:

— Да. Непремѣнно нужно итти. Это—мой долгъ.

И наскоро одѣвшись, о. Константинъ пошелъ вслѣдъ за другими.

— Ладно ужъ а ты,—удерживала его матушка:—въ себѣ ли они теперь? Развѣ согласишься съ ними? Еще чего добраго...

— Тамъ увидимъ,—отвѣчалъ о. Константинъ, нервной, дрожащей рукой застегивая рясу;—во всякомъ случаѣ... простимся... Господь съ тобой...

О. Константинъ благословилъ матушку и, перекрестившись на церковь, старческой, ковыляющей походкой поспѣшилъ къ нижнему порядку.

Глазами, полными слезъ, матушка проводила его.

Н. Волжанинъ,

(Продолженіе будетъ).

НА СКАЖОНЪ ЛЪТЪ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

На площади шумъ уже стихъ.—Толпа внимательно настрожилась. Откуда-то изъ ея середины исходилъ голосъ возбужденный и возбуждающій, громкій, увѣренный. Кто-то говорилъ рѣчь. И было замѣтно, что рѣчь эта говорится не въ первый разъ. Произносившій ее великолѣпно зналъ, какія изъ словъ его рѣчи производятъ на малокультурныхъ слушателей большее впечатлѣніе, какія—меньшее.

— Нужно бороться,—особенно сочнымъ голосомъ говорилъ ораторъ:— вы знаете, «надѣйся на Бога, да самъ не плошай». А что значить не плошай?

И ораторъ громко и раздѣльно уяснялъ смыслъ пословицы:— Это значить: если кто противъ тебя, если кто не хочетъ согласиться съ твоей великой народной волей, то бери его за горло, вали на землю и бей его, бей, топчи, не жалѣй. Сдохнетъ?—Ничего! Туда ему и дорога.

Толпа возбуждалась, глаза у многихъ экстатически блестя. Лица какъ то особенно расплывались, обнаруживая ряды зубовъ.

Нѣкоторые поддакивали оратору.

— Вѣрно, вѣрно...

— А какъ же еще?

— Довольно они попили нашей крови. Теперь давай мы ихней попробуемъ.

— Да,—говорилъ въ свою очередь ораторъ:—до сихъ поръ изъ насъ всѣ, кто только могъ, тянули соки. Къ нашимъ жиламъ жадно припадали и правительство, и помѣщики, и даже про

смирни и пили, пили нашу кровь. Пили съ животной ненасытностью. Наши враги какъ бы намѣренно обезсиляли насъ, пригнетали къ землѣ, заботливо изо дня въ день готовили насъ къ смерти. А потому—поистинѣ можно сказать, что для насъ каждый день былъ днемъ не жизни, а постепеннаго, можетъ быть медленнаго, но вѣрнаго умиранія. Да. Мы умирали, а наши враги, эти лютые вампиры, ликовали при нашемъ страдальческомъ смертномъ одрѣ и съ сытымъ довольнымъ видомъ обшаривали наши карманы, вытаскивали оттуда послѣднія наши потомъ и кровью добытыя копѣйки и на нихъ.. на эти копѣйки за нашу смерть и гибель... да, да... смерть и гибель пили шампанское. Вотъ, каковы наши враги. И можно ли на какихъ бы то ни было условіяхъ мириться съ ними? Можно ли хотя бы на какомъ угодно разстояніи терпѣть ихъ? Нѣтъ, нѣтъ. Конечно, нѣтъ. Довольно. Насилію, произволу и неправдѣ долженъ быть положенъ конецъ. Люди сознали теперь, что солнце для всѣхъ свѣтитъ, а не для богатыхъ только, лѣса для всѣхъ растутъ, земля для всѣхъ одинаково предлагаетъ свои блага. «Раститесь и множитесь и наполните землю и владѣйте ею», сказано въ Писаніи. Да... Довольно гнета богатыхъ. Мы пострадали, они попользовались. И вотъ всѣ мы, каждый изъ насъ, должны встать за свои поруганныя права, должны вооружиться на возстановленіе правды и справедливости.

И далѣе ораторъ призывалъ къ явному насилію и бунту, указывалъ на примѣры другихъ селъ, гдѣ богачи, позабывши обо всякомъ своемъ имуществѣ, которое они до сихъ поръ такъ любили и обожали, скрылись изъ деревень въ города, предоставивъ крестьянамъ полную свободу распоряжаться ихъ добромъ.

— На людяхъ и смерть красна,—говорилъ ораторъ:—чего намъ бояться?.. А объ этихъ храмахъ и попахъ забудьте. Это все даютъ вамъ для отвода глазъ, чтобы вы смирнѣ себя вели, да господамъ даромъ работали. замѣтите, что во многихъ мѣстахъ помѣщики на свои деньги и строили церкви-то. И если бы не помѣщики, то можетъ быть у насъ и церквей не было бы. Увѣряю васъ, церкви да кабаки—это для того, чтобы одурманить васъ, заставить васъ забыть о нищетѣ вашей. Для того же и церковныя школы. Долой ихъ!

— Ого-го!..

Толпа бѣшено гоготала. Слышались неистовые выкрики, ругательства, смѣхъ, циничныя шутки.

Когда ораторъ остановился, послышался довольно слабый, волнующийся и отъ волненія прерывающийся голосъ:

— Господа!.. Православные!

— Кто это? Кто это?—зашевелилась толпа.

— Да батюшка нашъ, —отвѣчали на вопросъ.

— Ужли не разберешь?

— Туда же, —послышались замѣчанія.

— Чего этотъ еще хрычь-то лѣзеть?

— А какъ же? Тоже, вишь, въ артели захотѣлось. Праведникъ то нашъ...

— Погодите а вы, —останавливали расходившуюся молодежь болѣе благоразумные изъ присутствующихъ:—чего вы безъ поры то, безъ времени охальничаете? Ничего, вѣдь, еще онъ не сказалъ...

— Да и не скажетъ ничего.

— Ну, это еще увидимъ.

Толпа гудѣла.

— Православные!—немного громче проговорилъ о. Константинъ:—православные!

Голоса стали замѣтно стихать.

— Что это съ вами?—спрашивалъ батюшка:—не узнаю васъ. Совершенно не узнаю. Гдѣ ваша разсудительность, ваше хладнокровіе и ваша скромность, деликатность? Чему такъ радуетесь? Надъ чѣмъ такъ нехорошо, неприлично смѣетесь? Вѣдь, страшно, —подумайте-ка, —страшно сказать: васъ зовутъ пойти противъ самого Бога, противъ святыхъ Христовыхъ законовъ, противъ всего, чѣмъ жили наши отцы и дѣды, въ чемъ до сихъ поръ мы сами находили радость и покой. Подумайте ка, подумайте. Васъ направляютъ противъ церквей Божіихъ, предъ вами чернятъ, поносными именами обзываютъ храмы Божіи, которые до сихъ поръ мы такъ любили, въ которые свою кровь, свой потъ, гроши свои вкладывали. Ужели поидемъ теперь на храмы наши и разрушимъ ихъ? Ужели бросимъ жеребій и ризы святыя раздѣлимъ? Братіе! Дорогие мои братіе! Въ потемнѣниіи это вы пойти противъ святынъ Божіихъ собираетесь и надъ воспитавшей васъ и открывшей вамъ свѣтъ и разумъ церковью и школой церковной ругаетесь. Господь съ вами, дѣтки, одумайтесь. Да и съ чего это вы въ ожесточеніе такое противъ святынъ Божіихъ пришли?

— Это мы отъ сытости, —прозвучалъ злой, иронической голось, похожий на тотъ, который произносили рѣчь.

Въ толпѣ многіе засмѣялись довольнымъ смѣхомъ.

— Здорово сказано, — замѣтилъ кто-то.

— Еще бы не сказать, — соглашались другіе.

— Почитай, не языкъ, а бритва.

— Такъ, такъ, — продолжалъ между тѣмъ батюшка, — отъ бѣдности вашей ожесточеніе ваше, хотите сказать? Отъ нужды? Хорошо... Пусть...

— То-то пусть, — перебилъ кто-то о. Константина.

— Но припомните многострадательнаго Іова.

— Эва куда хватилъ.

— Вы всѣ знаете о немъ.

— Еще бы... Надоѣлъ ужъ. Вѣдь, кажинный день съ проповѣдьями-то своими лѣзъ.

— Надоѣлъ? — повышеннымъ уже и громкимъ голосомъ переспросилъ о. Константинъ: — кто сказалъ это? Да будетъ тому стыдно. Вы хотите упрекнуть меня въ томъ, что я часто училъ васъ добру, всячески старался просвѣтить и облагородить ваши души, что настойчиво проповѣдывалъ вамъ Слово Божіе? Да. Можно сказать, я каждый день проповѣдывалъ вамъ святыя истины вѣры. Но, судя по тому, что теперь у васъ происходитъ, думаю, что я напрасно не проповѣдывалъ вамъ и каждую ночь.

— Что, налетѣлъ? — говорили въ толпѣ, обращаясь къ выказавшему обидное замѣчаніе: — не на такого, братъ, напалъ. Прикуси язычекъ-то.

— Тогда бы привели насъ ко второй Цусимѣ, — услышалъ о. Константинъ незнакомый голосъ, но онъ не обратилъ на него вниманія и продолжалъ свою рѣчь.

— Іовъ ли не нуждался? Онъ ли не переживалъ мучительныхъ страданій? Жить въ полномъ богатствѣ, быть окруженнымъ со всѣхъ сторонъ почетомъ и уваженіемъ, пользоваться семейнымъ счастьемъ и потомъ вдругъ лишиться всего и изъ уважаемаго всѣми богача обратиться въ нищаго, всѣми забытаго и выброшеннаго за городъ. Это ли не испытаніе? Но смотрите: вырвалось ли изъ устъ великаго страдальца хотя бы одно слово хулы на Бога? А вы... вы, братіе?.. Умоляю васъ: убойтесь Бога, устыдитесь самихъ себя, своей совѣсти. Вы только спросите у себя: что случилось-то собственно? Ужели на самомъ дѣлѣ кто-то хочетъ, чтобы вы постепенно, но уже навѣрняка умирали? А, вѣдь, только уже въ самыхъ крайнихъ, въ самыхъ отчаянныхъ обстоятельствахъ можетъ человѣкъ придти въ

ожесточеніе противъ всего святаго. Тутъ у васъ говорили, что враги ваши припадаютъ къ вашимъ жиламъ и пьютъ — пьютъ вашу кровь. Но ясно, что это только слова. Только красныя слова. Это хотять навѣять на васъ такой сонъ, въ которомъ вы могли бы совершить все, что захотять другіе. Такъ нѣкогда искуситель навѣялъ забвеніе Божіей заповѣди на нашихъ родителей. Хороши были слова діавола, но что было потомъ, когда прошло навѣянное на Адама и Еву усыпленіе? Имъ стыдно стало, и скрылись они отъ Бога. Повѣрьте, дорогіе братья, и вамъ будетъ стыдно и больно потомъ, когда вы въ себя придете. Потому — еще разъ прошу васъ: будьте хладнокровны, вдумчивѣе относитесь ко всему, что говорятъ вамъ со стороны.

— И ѣшьте мякину, — слышалась опять ядомъ пропитанная иронія незнакомаго чедовѣка. — Ну, вотъ, — сейчасъ же говорилъ о. Константинъ: — зачѣмъ такое преувеличеніе? — Братья! — вдругъ повысилъ голосъ о. Константинъ: — будемъ серьезны. Я знаю, вы бѣдны. Во всякомъ случаѣ не богаты. Иногда же и по мѣстамъ нашъ народъ положительно бываетъ подавленъ нуждой и горемъ, и обстоятельства его часто бывають безвыходными. И если что спасаетъ его въ такихъ случаяхъ, то это вѣра, подающая ему великую силу терпѣливо переносить тяжелыя испытанія. И, конечно, закрывать глаза на нужду, на горе народное нельзя. Убѣжденъ даже, что это преступленіе, грѣхъ. И вы сами знаете, что я всегда боролся съ бѣдностью. Я указывалъ вамъ лучшіе способы обработки земли, вмѣстѣ съ вами мы выписывали усовершенствованныя орудія, устроили мы для облегченія вашей работы въ страдную пору дѣтскій пріютъ «ясли», у насъ было товарищество мелкаго кредита. Укажите мнѣ новыя средства борьбы съ бѣдностью, и я буду бороться средствами новыми. Развѣ кто проповѣдуетъ бѣдность? Развѣ кто хочетъ, чтобы вы ѣли мякину? Боже сохрани! Не мы ли молимся всегда объ изобиліи плодовъ земныхъ? Я хочу только, чтобы вы боролись съ бѣдностью и къ лучшему устраивали свое хозяйство средствами хорошими, честными, благородными. Вамъ же... вамъ внушается забыть, что люди братья, что вражда между ними есть зло, что грабежи и убійства ведутъ не къ благополучію и счастью, а лишь къ новымъ бѣдствиямъ и страданіямъ. Хотять увѣрить васъ, что если вы признаете законнымъ дѣломъ грабежи и убійства, то жизнь изъ ада, какимъ она представляется теперь, сейчасъ же обратится въ рай.

О, не соблазняйтесь этими льстивыми рѣчами. Подумайте: возможно ли, чтобы изъ дурного получилось хорошее? Возможно ли, чтобы на терновникѣ выросли смоквы или на осинѣ яблоки? Представьте только, что въ нашей жизни признаны законными грабежи и убійства. Что можетъ произойти тогда? Не знаю, какъ для васъ, а для меня ясно, что тогда прекратится теперешняя наша человѣческая жизнь и настанетъ жизнь чисто животная. Тогда ничего не останется въ нашей жизни—ни правды, ни справедливости, ни долга, ни любви. Останется одна только сила, одинъ кулакъ. Кто силенъ, тотъ и будетъ для всѣхъ законодателемъ. А слабый,—ложись въ грязь и помирай.

— Скажите пожалуйста!—возразилъ незнакомый голосъ:— а теперь не задавили насъ сильные? Теперь мы слабые—не лежимъ въ грязи? Выходитъ: и ладно, и хорошо это? Такъ, значить, лежи и лежи, пока до пролежней не долежишься?

Крестьяне поворачивали головы то въ одну, то въ другую сторону, смотря по тому, откуда слышалась рѣчь. Теперь они уже почти перестали принимать участіе въ обсужденіи поднятыхъ вопросовъ и только слѣдили, которая же изъ спорящихъ сторонъ побѣдитъ?

— Допустимъ, допустимъ,—возражалъ своему противнику Константинъ:—но если теперь насъ обижаютъ и угнетаютъ, то мы знаемъ и говоримъ, что это не по правдѣ, не по справедливости. И потому мы можемъ защищаться отъ своихъ обидчиковъ и притѣснителей: „не троньте, молъ, насъ, потому мы-то васъ не трогаемъ“. Ну, а ужь если сами мы станемъ обижать другихъ, сами признаемъ обиды и притѣсненія дѣломъ законнымъ, тогда всякій будетъ обижать насъ по справедливости. „Ты, дескать, самъ грабишь или тамъ убиваешь, такъ почему же я не могу снять съ тебя послѣднюю рубаху или голову тебѣ отрезать“. А ужь до этого дѣло дойдетъ, тогда, полагаю, прямо житья на свѣтѣ не будетъ. Братъ на брата пойдетъ. Теперь хоть впереди можно ожидать лучшаго;—потому, что если одинъ позволяетъ себѣ обижать ближняго, то другой считаетъ это грѣхомъ. А ужь если всѣ мы признаемъ, что обижать другъ друга дѣло законное, тогда говори—вавилонское столпотвореніе и всеобщая гибель. Этого ли хотите, православные?

Толпа молчала. Крестьяне вопросительно смотрѣли туда, откуда шелъ голосъ перваго оратора: «Что же дескать, ты? Взялся за гужъ, не говори что не дюжъ». Но молчалъ и ораторъ.

— А потому, — заканчивалъ свою рѣчь о. Константинъ: — и говорю я: будьте хладнокровны. Не горячитесь и не берите на душу какого-нибудь тяжелаго грѣха, — тѣмъ болѣе, что не такъ трудно и удержаться намъ на высотѣ человѣческаго и христіанскаго достоинства. Повторяю, вѣдь мы не въ крайнихъ какихъ обстоятельствахъ. Бѣдны мы, но не нищіе же, у которыхъ даже куски ихъ отнимаютъ. Припомните, каковы были у насъ урожаи въ прошломъ году. Не мало я любовался: село наше словно стѣной какой было обставлено этими копнами и скирдами. Съ полей хлѣбъ возили прямо обозами. Непрерывной цѣпью тянулись возы одинъ за другимъ, и даже не въ одну дорогу, а въ двѣ. Мельницы не успѣвали молотъ подвозимаго свѣжаго хлѣба. Работали и по ночамъ. Изъ у кого не было излишка хлѣба? Не намъ съ вами говорить объ этомъ. Все это извѣстно и вамъ и мнѣ слишкомъ хорошо. И скажите: сколько свадебъ прошлой зимой мы сыграли? И какъ сыграли? Какъ праздники проводили? Мнѣ кажется, весело, пожалуй даже слишкомъ весело. Въ свое время я указывалъ вамъ не слишкомъ ли щедры мы на угощеніе, не слишкомъ ли безшабашно катаемся на тройкахъ съ бубенчиками, не слишкомъ ли громко поемъ веселья, удалья пѣсни? Да. Можно быть хладнокровнѣе въ настоящее горячее время и погому еще, что мы въ бѣдности нашей не забыты высшей властью. О насъ пекутся, нашему желанію жить лучше идутъ на встрѣчу. Трудно, конечно, удовлетворить всѣ наши нужды въ короткій срокъ времени. Дѣло устройства всей нашей жизни — государственной и общественной — дѣло большое и сложное. Здѣсь нужно подумать да подумать. А для этого требуется время. При маленькомъ дѣлѣ и то говорятъ: «семь разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь», въ большемъ же и сложномъ дѣлѣ осторожности нужно, конечно, еще больше. Не соблазняйте же, дорогіе друзья, тѣмъ, что происходитъ вокругъ васъ въ другихъ селахъ. Разбирайтесь во всемъ, что видите и слышите кругомъ, и принимайте только хорошее, дурное же отбрасывайте прочь. По наставленію апостола, все испытывая, добраго держитесь. Не честь намъ дѣла худыя и преступныя, хотя бы и совершали ихъ сотни и тысячи другихъ людей. Но истинной похвалой намъ будетъ всякое честное дѣло, хотя бы его дѣлали только мы одни. Развѣ.

— Граждане! Кого мы слушаемъ? — неистовымъ голосомъ закричалъ вдругъ неизвѣстный, произносившій рѣчь въ началѣ сходки. Видимо, успѣхъ батюшкиной рѣчи привелъ его въ раз-

драженное состояніе, и во время послѣднихъ словъ о. Константина онъ собирался съ силами, чтобы сказать послѣднее вѣское слово.

— Кого мы слушаемъ? Вотъ что значить непривычка къ сознательной жизни и обязанность итти по указкѣ начальства! Минута,—и мы уже готовы слѣдовать за своими врагами, за земскимъ начальникомъ, за попомъ. Вы посмотрите: кто передъ нами? Вѣдь, это нашъ врагъ, это человѣкъ, который хочетъ, чтобы мы попрежнему были въ рабскомъ повиновеніи у бездарнаго, развращеннаго правительства, у безсовѣстныхъ помѣщиковъ и жадныхъ поповъ. Правительство, дворянство и духовенство,—это троица единая и нераздѣльная. И другъ другу они помогаютъ, другъ друга поддерживаютъ. Обратите вниманіе: что? этотъ попъ доброжелатель вашъ? страдаетъ онъ по вашему горѣ? хочетъ вамъ счастья и добра? Ничуть ни бывало! Это онъ все о себѣ хлопочетъ, о томъ, чтобы оставались эти западни храмы, чтобы вы попрежнему носили ему свои копѣйки да лепешки, и чтобы жилъ онъ себѣ припѣваючи, ѣлъ пироги съ курятиной, ѣздилъ крестить помѣщичьихъ ребятъ, да получалъ отъ правительства камилавки и ордена. Больше же ему ровно ничего не нужно. До народа и до народныхъ нуждъ ему нѣтъ положительно никакого дѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, слышались возраженія.

— Это ты напрасно.

— Нашъ батюшка не изъ такихъ.

Но ораторъ неся впередъ на всѣхъ парахъ своихъ легкихъ. Кричалъ онъ такъ оглушительно и такъ отчаянно размахивалъ руками, что у слушателей его должно было составиться убѣжденіе въ полной нелѣпости какихъ бы то ни было возраженій.

— Онъ васъ вводитъ въ явный обманъ,—кричалъ ораторъ, тыча пальцемъ по направленію къ о. Константину:—хочетъ увѣрить васъ въ своемъ расположеніи къ вамъ, а посмотрите: у кого изъ васъ одежда изъ такой матеріи, какъ у него? Кто изъ васъ живетъ въ такомъ домѣ, какъ онъ? Кто, кромѣ его, получаетъ по рублю за два слова? А? Кто? Ну, скажите.

Но ораторъ не останавливался, чтобы выслушать отвѣтъ на поставленный вопросъ, и сейчасъ же продолжалъ рѣшительно и громко:

— То-то! Такъ чего же вы уши то развѣсили? И кого вы собрались слушать: меня или его?

— Это вѣрно,—выдѣлился изъ толпы робкій голосъ:—мы, батюшка, вотъ его хотѣли послушать. Онъ насъ и созвалъ-то. Это намъ антиресно. Потому дѣло новое. А тебя мы ужь слышали. Да ты и послѣ скажешь намъ, ежели что.

— Послѣ, усмѣхнулся кто-то:—послѣ-то поздно будетъ. Спусти лѣто по малину въ лѣсъ не пойдешь.

— Конечно, послѣ,—говорили другіе.

— Послѣ, послѣ...

Рѣзкіе выкрики заѣзжаго оратора ободрили многихъ изъ молодежи.

— Давно бы ужь, батя, ко дворамъ тебѣ пора.

— А ты постепеннѣй, постепеннѣй обращайся, совѣтывали дерзкому.

— Ну, отстань! Хамъ.

— Самъ ты хамъ.

Въ толпѣ произошло раздѣленіе.

Одни приняли сторону о. Константина, другіе — пріѣзжаго оратора.

Чѣмъ дальше, тѣмъ раздѣленіе становилось рѣзче. Этимъ воспользовался ораторъ и продолжалъ агитацію.

— Если вы хотите слушать попа, такъ прощайте. Оставайтесь, какъ были дураками, — ругался уже ораторъ:—ставьте свѣчи и мажьте головы лампаднымъ масломъ. Если же вы хотите быть людьми настоящими, если хотите знать, что такое право, борьба и свобода, то слушайте меня и гоните этого долгогриваго черносотенца. Впрочемъ, можетъ быть и вы и сами черносотенцы. Въ такомъ случаѣ виноватъ: я не туда попалъ.

Прослыть черной сотней показалось очень обиднымъ для деревенской молодежи, щеголявшей красными рубашками и пѣсьями новаго пошиба. Многіе изъ парней, совсѣмъ близко подходя къ батюшкѣ, трепали его по плечу и жестами указывали ему дорогу изъ проулка, гдѣ было собраніе.

— Ступай, отче, ступай.

— Да, батюшка, покалякаемъ послѣ.

— Послѣ дождичка въ четвергѣ.

— Да вы перестаньте озорничать то,—останавливали расходившихся парней благосмыслящіе изъ крестьянъ.

— Ну, ну! Не толкайся.

Около о. Константина происходила уже давка. Его тянули за руки и за рясу въ разныя стороны. Одни грубо вели его вонъ изъ проулка, другіе останавливали въ проулкѣ.

— Братцы!—упавшимъ, тихимъ голосомъ говорилъ. о. Константинъ послѣднимъ:—не безпокойтесь: я все равно уйду.

— Я самъ уйду говорилъ онъ и тѣмъ, что толкали его вонъ.

— То-то, то-то. Давно ужъ время.

— Заболтался.

— Онъ думалъ, что у себя на колокольнѣ.

— Нѣтъ, батя, здѣсь у насъ нѣсколько построже. У насъ зря—то не говорятъ.

— А то за ушко да на солнышко.

О. Константинъ съ трудомъ выбился изъ толпы и растрепанный, съ развѣвающимися волосами, со смятой шляпой и въ растегнувшейся въ давкѣ рясѣ шелъ домой.

Толпа была довольна униженнымъ видомъ батюшки и опять какъ въ началѣ сходки, цинично гоготала.

— Ты поди моя коровушка домой,—запѣлъ кто-то.

Эта выходка вызвала взрывъ хохота, который походилъ на ржаніе животныхъ.

Гдѣ-то раздался свистъ. Это тоже многимъ пришлось по вкусу, и пронзительные свистки проводили о. Константина до самаго дома.

Н. Волжанинъ.

(Продолженіе будетъ).

НАСКЛОНЪ ЛѢТЪ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Тяжелая атмосфера воцарилась въ домѣ о. Константина. Старый батюшка цѣлыми днями ходилъ изъ угла въ уголь, тяжело вздыхалъ, произнося иногда среди вздоховъ:

— О, Господи! Господи, помилуй.

По вечерамъ же о. Константинъ подолгу молился. Аппетита онъ почти совсѣмъ лишился: не ѣлъ и не пилъ. Встревоженная матушка не знала, что дѣлать.

— Да полно,—говорила она часто о. Константину:—Господь съ тобой. Вѣдь, ничего же особеннаго не случилось. Могло быть и хуже.

— Ахъ, оставь, оставь,—останавливалъ о. Константинъ матушку:—оставь...

И матушка, качая головой, уходила въ другую комнату.

Иногда же о. Константинъ и совсѣмъ невпопадъ отвѣчалъ на матушкины вопросы и разговоры.

Тогда матушка пугалась,

— Долго ли до бѣды,—говорила она старой кухаркѣ Авдотьѣ:—долго-ли... Ужъ очень онъ человѣкъ-то чувствительный. А тутъ кругомъ такое свѣтопреставленіе, что хоть у кого голова закружится.

Авдотья тоже охала и качала головой.

— Надо хоть сыновьямъ написать,—раздумывала матушка, и, надѣвши кожаныя очки, дрожащей рукой выводила неровныя, словно качающіяся буквы:

— Приѣзжайте. Съ отцомъ у насъ очень плохо. Была у насъ здѣсь сходка. И говорили тамъ разныя слова нехорошія. И отецъ тамъ былъ, и его обижали. И послѣ того съ отцомъ у насъ очень и очень плохо. Ничего не ѣсть и не пьеть. И все ходитъ и молчитъ. Ничего не говоритъ.

Одинъ за другимъ приѣзжали дѣти.

О. Константинъ рассказывалъ о томъ, что было на селѣ, и рассказывалъ, повидимому, такъ спокойно и хладнокровно, какъ будто это его и не касалось. И всѣ удивлялись этому. Между тѣмъ и видъ, и тонъ у о. Константина были грустные, страдальческіе. Ни матушка, ни дѣти не могли понять, что собственно происходитъ въ душѣ о. Константина. Батюшка говорилъ, что его рѣчь всетаки свое дѣйствіе имѣла. Никакихъ крупныхъ безпорядковъ въ селѣ пока не произошло. Сравнительно все было тихо. И помѣщичья усадьба, и церковно-приходская школа и—тѣмъ болѣе—церковь были оставлены неприкосновенными. Только нѣкоторые изъ молодежи шумѣли по селу, напѣвая новыя революціонныя пѣсни, приглашающія вздернуть на горькой осинѣ и купцовъ, и дворянъ, и поповъ. Было слышно и о разныхъ спорахъ и несогласіяхъ между крестьянами. Одни обвиняли другихъ:

— Вотъ, приѣзжалъ человѣкъ, говорилъ толкомъ: нужно то-то и то-то; нужно поддержать страдающихъ братьевъ, вооружиться. А мы что? Разинули рты и попа своего слушаемъ. Ну, что такое можетъ сказать попъ? Прошли ужъ прежнія-то времена. Теперь не поповъ нужно слушать, а тѣхъ, которые поповъ ругаютъ.

— И не знаю еще, что будетъ,—заканчивалъ свои рассказы о. Константинъ:—да, впрочемъ, что бы то ни было,—это не важно. Важно, что вообще-то кругомъ дѣлается.

Разказавъ все, о. Константинъ опять весь уходилъ въ себя и опять молчаливо начиналъ ходить изъ угла въ уголь.

Дѣти уѣзжали ни съ чѣмъ.

Получилось письмо отъ младшаго сына—студента.

— Вы, мама,—писалъ онъ:—сообщали мнѣ, что съ папой не совсѣмъ ладно. Говоря откровенно, я предвидѣлъ это. Папа былъ слишкомъ горячо преданъ своему дѣлу. Онъ, вѣроятно, думалъ, что его христіанство представляетъ собою какое-то высшее и неизмѣнное благо. Между тѣмъ оказывается теперь, что христіанство было для человѣчества скорѣе зломъ, нежели добромъ. Христіанство отвлекло вниманіе людей отъ естественной дѣйствительной жизни къ отвлеченному небу и этимъ самымъ препятствовало людямъ устроить жизнь добрымъ порядкомъ. Не даромъ теперь христіанство называется тормазомъ прогресса. Въ самомъ дѣлѣ: какъ много теперь у насъ всякой лжи, неправды, свинскаго счастья однихъ и страшныхъ, незаслуженныхъ страданій другихъ. И все почему? Да потому, что благодаря христіанству люди не о земномъ благоустроеніи думали, а все о небѣ вздыхали. Не можетъ быть сомнѣнія, что для папы такъ же очевиденъ крахъ христіанства, какъ и для меня. И естественно, что, прощаясь со своей вѣрой, папа не можетъ не грустить. Но, конечно, чѣмъ скорѣе простится онъ съ печальнымъ прошлымъ, тѣмъ живѣе почувствуетъ радость настоящего, чего вотъ всей души ему и желаю.

На, — сказалъ о. Константинъ, подавая письмо матушкѣ. И послѣ этого слова онъ сталъ совершенно безмолвнымъ. Онъ уже и не ходилъ теперь, какъ раньше, по комнатѣ, а больше неподвижно сидѣлъ въ своемъ кабинетикѣ у окна и, опершись на подоконникъ, смотрѣлъ на пустынное поле.

— Вотъ-вотъ,—думалъ о. Константинъ:—и сынъ пошелъ за другими. Не думалъ я этого. Не думалъ. Впрочемъ, предчувствовалъ какъ то. Всегда въ немъ ужъ слишкомъ много было этой свѣтскости и слишкомъ мало истинной религіозности. Да и была ли еще она? Младшій это сынъ. Какъ-то мало наблюдалъ я его развитіе. Вотъ, и просмотрѣлъ. Но помню: это не то, что старшіе. Это скорѣе душевный человѣкъ, чѣмъ духовный. Оттого у него и смѣлость эта, безапелляціонность. «Тормазъ прогресса»! Это только потому, что христіанство рядомъ съ добромъ не благословляетъ и зло. «Крахъ христіанства»! Какъ будто христіанство само по себѣ утратило силу и значеніе! И,

вѣдь, у всѣхъ у нихъ такая безцеремонность въ сужденіяхъ. И не должна ли отталкивать отъ нихъ одна эта безцеремонность? Но нѣтъ: многіе нахальство признаютъ за мужество и за результатъ внутренней силы. Вотъ, и въ душѣ моей копаются: желаю, говорить, скорѣе проститься съ христіанствомъ. Да какъ это у него перо-то не сломалось, когда онъ писалъ? Какъ бумага не прорвалась? Мнѣ проститься съ христіанствомъ! Да вѣдь это моя глубочайшая вѣра, мое счастье, моя жизнь и моя смерть. Онъ жилъ христіанствомъ? жилъ? Онъ вѣрилъ когда нибудь? Нѣтъ? Какъ же онъ осмѣливается со своими шутками входить въ страдающее сердце?

И о. Константинъ продолжалъ неподвижно сидѣть у окна и глубоко вздыхалъ. Потомъ вдругъ онъ сталъ читать какія то книги и спѣшно что-то записывать.

Въ эту пору безмолвныхъ страданій о. Константина за службой его въ церкви слышались какъ бы стоны.

Между тѣмъ народъ посѣщалъ храмъ все меньше и меньше. Молодежь почти совсѣмъ не ходила. Да и въ старикахъ не было прежней молитвенной настроенности. Состоялось даже общественное постановленіе—«прекратить отпускать» мірскія общественныя средства на отопленіе храма въ осеннее и зимнее время. О. Константину предстояло служить въ храмѣ холодномъ, съ промерзшими по всѣмъ угламъ стѣнами, какъ это было до устройства имъ въ своемъ храмѣ печей. Въ другихъ же мѣстахъ—слышно было—крестьяне отказывались давать деньги на содержаніе духовныхъ школъ.

Но, вѣдь, это на церковныя же, на церковныя нужды,—вздыхалъ о. Константинъ:—ужели они хотятъ отрѣшиться отъ всего церковнаго и даже отъ образованныхъ пастырей?

Слышалъ и читалъ старый батюшка и о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церкви систематически ограбляются и даже кощунственно оскверняются. Зналъ о. Константинъ о случаяхъ такого оскверненія даже въ семинаріяхъ. И вообще онъ замѣчалъ упадокъ религіознаго духа въ самой духовной средѣ.

—Куда же мы это идемъ?—думалъ онъ.

Совершенно случайно попалъ о. Константинъ въ какой то книжкѣ на мѣсто, гдѣ представлялось, что священникъ раннимъ зимнимъ утромъ ходитъ по заброшенной церкви, кадитъ и поетъ: „Хвалите имя Господне, хвалите раба Господа“. Поетъ священникъ, а рабовъ-то и нѣтъ, въ церкви пусто.

Жутко и больно становилось о. Константиному. — Какъ! — брался онъ руками за голову: — ужели дѣйствительно погибаетъ то, чему я отдалъ всю жизнь? Ужели то, что я считалъ истиной, на вѣки оказывается столь непрочнымъ и неустойчивымъ, что достаточно одного напора страсти, какъ отъ него не останется и слѣда? Нѣтъ, нѣтъ! Не можетъ этого быть. Не можетъ быть, чтобы христіанская истина оказалась слабѣ какой-то другой истины. Это ложь пишутъ на христіанство. И пишутъ тѣ, которые не знаютъ его, не жили имъ. Всѣ эти рѣчи отъ людей душевныхъ. А, вотъ, духовные люди — святыя. Причастившись христіанской истины, развѣ находили они какую сладость въ чемъ либо еще? Не прогоркъ ли для нихъ во Христѣ весь міръ? Такъ и для всѣхъ нынѣшнихъ людей прогоркли бы всѣ ихъ модные идеалы, если бы они повнимательнѣй присмотрѣлись къ евангелію, къ христіанству, если бы они вошли въ его атмосферу, подышали ей... Христіанство изжито! Боже мой! Да жили ли мы христіанствомъ, какъ слѣдуетъ? Знаемъ ли еще его? Въ томъ и бѣда, что мало. Бѣда огромная, непростительная. Мы игнорируемъ силу, которая, куда ее ни приложи, можетъ производить только чудодѣйственный оживотворяющій переворотъ. И будь христіанство приложено ко всѣмъ сторонамъ нашей жизни, развѣ были бы у насъ эти ложь и неправда, эта свинская сытость и эти страданія, о которыхъ пишетъ сынъ? Да не сущность ли христіанства въ проповѣди любви? Не «любовь» ли самъ Богъ христіанскій? И не изъ христіанства ли экспропрированы эти захватанныя теперь идеи братства, равенства и свободы? Христіанство тормазъ прогресса! Да оно осіяетъ еще и осчастливить міръ, если міръ захочетъ быть христіанскимъ! Конечно, невѣрующему трудно согласится съ этимъ. Но вотъ что: вѣроятно, тысячи лѣтъ тому назадъ никто не согласился бы съ утверженіемъ, что какое-то электричество, будучи приложено къ жизни, преобразуетъ послѣднюю до неузнаваемости. Тысячи лѣтъ тому назадъ подобное утверженіе всякій назвалъ бы плодомъ разстроеннаго воображенія, абсурдомъ. Но смотрите, что сдѣлало электричество на самомъ дѣлѣ: то, что когда-то представлялось невѣроятнымъ, теперь стало фактомъ. Такъ и относительно христіанства: изъ того, что оно не проявлено въ жизни, нельзя выводить, что оно и непригодно для жизни. Оно несомнѣнная сила. Только эта сила въ связанномъ состояніи

у насъ. Но развяжите ее, высвободите, и тогда увидите, гдѣ ваше счастье.

О. Константинъ замѣтно ободрялся.

— Все лгутъ на церковь,—продолжалъ онъ раздумывать,—пуста она, заброшена. Пусть такъ. Но еще учесть нужно: сколько въ этомъ небреженіи къ церкви сознательности и сколько безсознательнаго или полусознательнаго увлеченія, сколько колеблющагося подражанія модѣ, сколько временнаго желанія не отстать отъ другихъ, не ударить лицомъ въ грязь и проч., и проч. И развѣ первый разъ въ жизни церкви такой взрывъ ожесточенія противъ нея и противъ Христовой истины?

О. Константинъ отъ одной книги переходилъ къ другой и читаль—читаль.

— Да будетъ тебѣ! Скоро ли ты въ себя-то придешь? Тоска, вѣдь, мнѣ смотрѣть-то на тебя,—говорила о. Константину матушка.

— Подожди, подожди... Вотъ, немного еще... Скоро уже,—говорилъ батюшка, не отрываясь отъ книги и чуть чуть улыбаясь.

Это была давно жданная улыбка, и лучъ отрадной надежды зажегся отъ нея въ душѣ матушки, истомившейся безпокойствомъ за самое здоровье мужа.

Н. Волжанинъ.

(Продолженіе будетъ).

НА С К Ж О Н Ъ Ж В Т Ъ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Была суббота.

О. Константинъ переживалъ какое то особенное настроеніе. Лицо его замѣтно просвѣтлѣло. Онъ чувствовалъ себя бодрѣе говорилъ гораздо болѣе обыкновеннаго. Матушка торжественно и дѣлилась своими впечатлѣніями съ Авдотьей:

— Совсѣмъ другой сталъ. Кажется, скоро конецъ этой мукѣ. Слава тебѣ, Господи!

А за вечернимъ чаемъ о. Константинъ сообщилъ матушкѣ, что завтра за обѣдней онъ скажетъ проповѣдь.

— Пойду, пойду,—съ готовностью отозвалась матушка.

Дѣйствительно, на другой день въ концѣ обѣдни о. Константинъ говорилъ проповѣдь. Уже по тому, какъ служилъ онъ

обѣдню, можно было видѣть, что въ сердце его входитъ покой, что онъ нашель выходъ изъ того безотраднaго положенiя, какое создало тяжелое переходное время. Миромъ вѣяло и отъ всей фигуры о. Константина. Тихимъ спокойствiемъ дышалъ и тонъ его голоса. Но послѣ причащенiя ко времени проповѣди о. Константинъ замѣтно возбуждался. Впрочемъ, это не была уже бурная тревога души. Это была—скорѣе—радость просвѣтленнаго сознанiя. Такое возбужденiе было замѣтно въ о. Константинѣ и тогда, когда онъ вышелъ на амвонъ, чтобы говорить проповѣдь.

О. Константинъ началъ напомниманiемъ евангельскаго повѣствованiя о томъ, какъ однажды Иисусъ Христосъ пришелъ въ Назаретъ и въ день субботнiй вошелъ въ синагогу. Здѣсь Иисусъ Христосъ говорилъ, что исполнилось на Немъ пророчество Исаи, что Онъ есть истинный Мессiя, обѣтованный Спаситель. И было, что отъ такихъ словъ Господа всѣ въ синагогѣ исполнились ярости и, вставши, набросились на Иисуса, выгнали его вонъ изъ города и повели на вершину горы, чтобы свергнуть Его въ пропасть.

— Безъ глубокаго волненiя,—говорилъ о. Константинъ:—нельзя ни читать, ни слышать этого евангельскаго повѣствованiя. Мы живо представляемъ себѣ,—говорилъ онъ,—искаженные злобой лица иудеевъ, какъ бы слышимъ ихъ изступленные голоса, видимъ, какъ руки ихъ судорожно впиваются въ тѣло Спасителя, и вотъ Онъ,—Божественный Учитель,—на краю опасности. Но «не у приде часъ Его». «Иисусъ же», утѣшаетъ насъ евангелистъ, «пройдя посреди нихъ», т. е. посреди своихъ враговъ, «удалился».

Далѣе о. Константинъ говорилъ, что и основанная Христомъ церковь, подобно Ему Самому, не разъ подвергалась нападениямъ и преслѣдованiямъ со стороны враговъ. Между прочимъ, хранимое церковью Христово ученiе не разъ возбуждало во многихъ умахъ всякаго рода сомнѣнiя и вопросы. Стремленiе же уяснить и рѣшить эти вопросы такъ, чтобы въ нихъ не оставалось ничего неяснаго и нерѣшеннаго, не было никакой тайны,—это стремленiе нерѣдко приводило къ бурнымъ спорамъ, къ раздѣленiю въ церкви, къ искаженiю церковнаго ученiя. Одно за другимъ возникали въ церкви всякаго рода лжеученiя и криво толкованiя, появлялись ереси и расколы. Подвергая оспариванiю какой-либо одинъ пунктъ церковнаго ученiя, лжеучители колебали и другiе, стоящiе съ нимъ въ тѣсной связи, и бывало,

что ереси и расколы не хотѣли оставить отъ церковнаго ученія ни одной буквы, ни одной йоты. Священное зданіе церкви Христовой колебалось въ самыхъ своихъ основахъ, и, казалось, вотъ-вотъ не останется отъ него камня на камнѣ. Появляясь въ одномъ мѣстѣ, ереси и лжеученія охватывали собою мѣстности близъ лежащія, распространяясь все дальше и дальше. За рождаясь въ одномъ умѣ, ереси увлекали за собою сотни, тысячи другихъ умовъ. Возвышенныя христіанскія истины подвергались обсужденію и оспариванію на площадяхъ, на рынкахъ. Слова насмѣшки, хулы и отрицанія можно было слышать на каждомъ шагу. Ядъ еретичества проникалъ едва не въ каждую душу. На сторону лжеучителей становились даже святители и императоры. И истинная Христова церковь изъ господствующей становилась униженною и гонимою. Христова евангельская правда какъ бы терялась въ волнахъ еретической лжи, и можетъ быть иногда можно было спросить: «Гдѣ же она, эта правда? Гдѣ же истинная Христова церковь? Не погибла ли она?»

— О нѣтъ, братіе, нѣтъ!—восклицалъ о. Константинъ:— не погибла. Подобно Христу, и церковь, этотъ руководимый Самимъ Имъ корабль, безпрепятственно проходила мимо грозящихъ ей опасностей, Христово ученіе оставалось чистымъ и неповрежденнымъ, и церковь Христова свѣтло торжествовала свою побѣду надъ еретическою тьмою.

Чѣмъ дальше говорилъ о. Константинъ, тѣмъ вдохновеннѣе становилось лицо его, сгорбленная его фигура выпрямлялась, и весь онъ былъ—трепещущее чувство.

Глубокая тишина царила въ церкви. Кажется, всѣ боялись проронить слово.

О. Константинъ переходилъ къ характеристикѣ своего времени.

— Вотъ и нынѣ,—говорилъ онъ:—какъ и нѣкогда въ древности, церковь Христова съ разныхъ сторонъ окружена лютыми врагами, и нынѣ переживаетъ она время, полное испытаній, бѣдственное и тревожное.

Чрезъ великаго пророка своего Моисея Господь заповѣдалъ нѣкогда людямъ: «не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ подъ землею; да не поклониши имъ, ни послужиши имъ». Но люди нашего времени забыли эту вѣчную заповѣдь Божію и сотворили себѣ кумиръ «на земли низу». Кумиръ

этотъ— золотой телець. Предъ золотомъ, предъ внѣшнимъ благополучіемъ, предъ земнымъ счастьемъ преклоняются сыны нынѣшняго вѣка, ему поютъ гимны, предъ нимъ готовы воскурять виміамъ. Далѣе земли и ея благъ многіе изъ людей нашего времени не хотятъ взирать. Земля и только земля! Она одна свята! Она—кумиръ. Она—Богъ. Выше земли ничего. И земля, такимъ образомъ, объявляетъ борьбу небу, а слѣдовательно—и церкви, которая всегда указываетъ людямъ: «горняя мудруйте, а не земная». И призывы къ этой борьбѣ съ небомъ раздаются у насъ очень громко. Они облакаются въ чарующія формы и многихъ увлекаютъ за собой. Потерю вѣры или ослабленіе вѣры въ наши дни можно видѣть едва не всюду. Вы знаете, что происходитъ если не у насъ, то почти у насъ, рядомъ съ нами. Храмы Божіи подвергаются разбойническимъ нападеніямъ и даже оскверненію, священники Божіи находятся въ позорѣ и униженіи, все святое въ хулѣ и поношеніи. При убійствѣ ближнихъ люди ликуютъ, и приходятъ въ восторгъ при видѣ крови и труповъ. Да и всякое вообще преступленіе получаетъ въ наши дни оправданіе и освященіе. И видя все это, нѣкоторые изъ людей нашего времени уже злорадно говорятъ о церкви, какъ о чемъ-то бывшемъ когда-то, а теперь разбитомъ и уничтоженномъ. Храмы Божіи рисуются уже не горящими огнями и переполненными народомъ, а темными, холодными и опустѣлыми. И какъ же жутко и тоскливо становится отъ такихъ картинъ! Отъ нихъ кровь леденѣетъ въ жилахъ, душу наполняетъ ужасъ, и передъ нами невольно встаетъ вопросъ: «Какъ? ужели погибаетъ церковь?» И этотъ вопросъ однихъ приводитъ къ гибельному унынію, другихъ смущаетъ великимъ и страшнымъ соблазномъ. Но, братіе!...

Незамѣтно для самого о. Константина достигъ высшей степени напряженія и заставлялъ слушателей трепетать своею проникновенностью.

— Братіе!—воскликнулъ о. Константинъ:—не будемъ малодушны. Припомнимъ дивное евангельское повѣствованіе. «Вошелъ Іисусъ въ лодку, за Нимъ послѣдовали ученики Его. И вотъ сдѣлалось великое волненіе на морѣ, такъ что лодка покрывалась волнами, а Іисусъ спалъ. Тогда ученики Его, подошедши къ Нему, разбудили Его и сказали: Господи, спаси насъ. Погибаемъ. И говоритъ имъ: что вы такъ боязливы, маловѣрные? Потомъ, вставъ, запретилъ вѣтрамъ и морю, и сдѣлалась

великая тишина». Не будемъ же,—повторялъ о. Константинъ свое увѣщаніе:—малодушны и мы. Будемъ помнить, что какія бы опасности ни грозили церковному кораблю, какія бы страшныя волны ни колебали его, онъ будетъ цѣлымъ и невредимымъ до скончанія вѣка. Невидимо будетъ проходить онъ посреди всякихъ бѣдъ и золь, и истина Христова всегда будетъ жива въ сердцахъ вѣрующихъ. «Созижду церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей», сказалъ Христосъ. А слова Христовы не ложны. «Не изнеможетъ у Бога всякъ глаголь». Мы ли усумнимся въ глаголь Божиємъ?—Да не будетъ сего! Печально и скорбно то, что происходитъ вокругъ насъ и среди насъ. Но это не значить, что мы должны безъ сопротивленія отдаться во власть духа унынія. О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Наоборотъ. Это значить, что мы должны воспрянуть духомъ. Это значить, что мы должны плотнѣе стать здѣсь у подножія креста Христова, ярче зажечь огонь своей собственной вѣры, стараться утверждаться въ этой вѣрѣ своей все больше и больше. Уныніе не поможетъ намъ въ нашей скорби и не облегчитъ нашего горя. Огонь же вѣры дастъ тепло и свѣтъ намъ самимъ, а равно и другихъ можетъ привлечь къ себѣ. У насъ есть враги. Враги эти лютые. Но они не непремѣнно и непримиримые. Нѣкогда пророкъ Илія, великій ревнитель о Господѣ Богѣ Саваоѣ, обращаясь къ Господу говорилъ: „сыны Израилевы оставили завѣтъ Твой, разрушили жертвенники Твои и пророковъ Твоихъ убили мечемъ; остался я одинъ, но и моей души ищутъ, чтобъ отнять ее“. Господь же говорилъ Іліи, что еще есть между израильтянами семь тысячъ мужей, колѣна которыхъ не преклонялись предъ Вааломъ, и уста которыхъ не лобызали его. Точно также, братіе, и въ станѣ нашихъ враговъ могутъ оказаться тысячи людей, не преклонявшихъ колѣнъ предъ кумиромъ нашего времени серьезно и даже сознательно. Въ самомъ дѣлѣ, сколько въ современномъ видимомъ ожесточеніи противъ всего святого, чѣмъ такъ или иначе жили люди раньше, сколько здѣсь можетъ быть простого легкомыслія, необдуманности, молодого увлеченія и даже только боязни отстать отъ другихъ и прослыть челоукомъ несовременнымъ. И очень возможно, что пройдетъ первая бурная вспышка искусственно возбужденной страсти, и люди перестанутъ враждовать съ церковью, войдутъ съ нами въ братскій миръ и общеніе и осудятъ прежнюю несознательную вражду свою противъ святынь Божіихъ. Думаю даже, что нѣкото-

рые изъ тѣхъ, кто—повидимому—враждуютъ съ церковью, часто въ минуты внутренняго сосредоточенія—больно чувствуютъ всю неправоту увлеченія богоборствомъ и, можетъ быть, уже молятъ Бога о прощеніи своей ошибки. Думаю такъ. Убѣжденъ даже въ этомъ. Въ самомъ дѣдѣ — развѣ легко враждовать съ Богомъ Христомъ внутреннимъ и серьезнымъ образомъ? О, нѣтъ! Это тяжело. Это слишкомъ тяжело. Больше: это и невозможно. Бороться со Христомъ—это значить бороться съ самимъ собой. Вѣдь, Христовы законы сильны—между прочимъ—и потому, что они близки духу нашему, отвѣчаютъ запросамъ нашей духовной природы, какъ бы родственны намъ. По смыслу слова Божія, за закономъ Христовымъ не нужно ни на небо восходить, ни въ бездну спускаться, ибо законъ этотъ «близъ» насъ есть, онъ—въ самомъ сердцѣ нашемъ. А потому борьба со Христомъ и непосильна человѣку. Много смѣлыхъ мужей хотѣли отойти отъ Христа, но при всемъ своемъ желаніи сдѣлать этого не могли. Они хотѣли умертвить Христа въ сердцѣ своемъ такъ, чтобы о Немъ и воспоминанія не осталось, но тѣнь якобы умерщвленнаго ими Бога неотступно преслѣдовала ихъ, терзая ихъ и мучая до того, что самая жизнь ихъ становилась имъ несносной, нестерпимою горечью. Подобно Іудѣ, который, продавши Христа, «шесть удавился», люди, враждующіе противъ Христа, не находятъ покоя душѣ своей. Не будемъ поэтому вѣрить, братіе,—убѣждалъ своихъ слушателей о. Константинъ:—не будемъ вѣрить, что враги наши серьезно борются со Христомъ, и что эта борьба даетъ имъ какое-либо счастье. Нѣтъ! Это имъ только въ ослѣпленіи ихъ кажется такъ. И да никого изъ насъ не соблазнить—поэтому—современная ночь колебаній вѣры. Ближе станемъ здѣсь у престола Господня. Ярче возжемъ свѣтильники своей вѣры. Освѣтимъ ими всю нашу жизнь, и увидятъ наши слабые братья наши добрыя дѣла и прославятъ Отца нашего. Сами же мы въ тѣсномъ и одушевленномъ единеніи здѣсь у святого алтаря найдемъ покой и отраду, какія бы острыя стрѣлы ни направляли въ насъ наши враги. Будутъ гнать и поносить насъ,—мы будемъ спокойны. На смерть насъ поведутъ,—мы и умремъ со свѣтлой надеждой на высшую радость, конца которой не будетъ.

Н. Волжанинъ.

(Окончаніе будетъ).

НА СКЛОНѢ ЛѢТЪ.

Повѣсть.

(Окончаніе).

Слово о. Константина, давшее послѣ долгаго времени страданій успокоеніе ему самому, утѣшило и ободрило и его слушателей, которые не могли быть равнодушными зрителями происходившихъ на ихъ глазахъ событій.

Сейчасъ же послѣ обѣдни, когда о. Константинъ выходилъ изъ храма, его окружила толпа слушателей. Всѣ съ просвѣтлѣвшими радостными лицами благодарили о. Константина за утѣшеніе, обѣщались вмѣстѣ съ нимъ бороться съ мрачными явленіями времени, выражали удовольствіе, что видѣли о. Константина ободрившимся и повеселѣвшимъ.

— А то, вѣдь, правда—затоскуешь иной разъ,—говорили: какъ, молъ, такъ? Вездѣ все ругаютъ: и церковь, и поповъ, и все. Того не нужно, этого не нужно. Важно только, чтобы земля была, да права были. А совѣсть--ерунда, грѣхъ—пустяки. Наслушаешься этихъ ругательствъ, да и думаешь себѣ: какъ же такъ? Должно быть, я одинъ со своей вѣрой остался. Да полно! И мнѣ не покончить ли съ ней? И такъ то это тяжко-тяжко станеть.

А тутъ то и ты, батюшка, въ родѣ какъ нездоровъ или не въ себѣ. Что дѣлать? Ну, а теперъ слава Богу. Показаль ты намъ, батюшка, свѣтъ-отъ.

— Спасибо, спасибо, батюшка. Ровно пластырю къ ранѣ приложилъ,—говорили другіе.

Нѣкоторые горячо лобызались съ о. Константиномъ. И о. Константинъ чувствовалъ себя, какъ въ свѣтлый праздникъ.

Радости матушки не было конца.

А время текло мѣсяць за мѣсяцемъ.

Шумъ жизни постепенно начиналъ стихать. Недавнія слова о. Константина содержали въ себѣ правду. Люди скоро соznали свою ошибку богоборства. Скоро увидѣли они, что жизнь безъ Бога темна и страшна, и что забвеніе Божіихъ Христовыхъ законовъ не ведетъ, какъ они вѣрили недавно, къ желанному счастью, а наоборотъ—родить все новыя и новыя страданія. Задыхаясь въ дыму самими зажженныхъ пожаровъ и утопая въ лужахъ собственной крови, люди перестали торжество-

вать при видѣ труповъ, не кричали, что убійствъ еще „мало, мало“! и многія изъ преступленій стали называть ихъ собственными именами. Звѣриная жизнь въ постоянномъ страхѣ за свое добро и за свою жизнь надоѣла людямъ, и они страстно захотѣли жизни мирной, разумной, упорядоченной. Недавно ругаясь надъ небомъ, люди теперь опять воздѣли руки свои къ небу и плакали о содѣянномъ, и просили помощи.

— Вотъ, уже, кажется, и приходитъ мнѣ пора сказать „Нынѣ отпускаеши“,—съ безмятежной улыбкой говорилъ о. Константинъ своимъ прихожанамъ изъ неутраченныхъ прежней вѣры.

— Что ты, что ты, батюшка,—испуганно отвѣчали ему:—поживешь еще, послужишь;—что ты? Да, чай, спаси и помилуй, Царица Небесная!

— Нѣтъ, нѣтъ ужъ,—не соглашался батюшка:—плохъ становлюсь. Должно быть, пора отходить.!

И на самомъ дѣлѣ о. Константинъ становился плохъ. Напряженная работа послѣдняго времени слишкомъ неблагопріятно отозвалась на его немолодомъ уже организмѣ. За высокимъ подъемомъ душевной энергіи быстро наступилъ рѣзкій ея упадокъ. Теперь о. Константину трудно было сосредоточить вниманіе на какомъ либо одномъ предметѣ. Всякая умственная работа его утомляла. Покой и тишина становились для него все болѣе и болѣе необходимыми. Дряхлѣлъ о. Константинъ и физически. Станъ его наклонялся все ниже. Голова вся побѣлѣла и кой гдѣ тронулась желтизной. Зрѣніе притупилось.

За однимъ изъ богослуженій о. Константинъ почувствовалъ исключительную слабость во всемъ тѣлѣ. Въ глазахъ у него потемнѣло. Полъ какъ будто куда то поплылъ. О. Константинъ едва устоялъ на ногахъ и съ большимъ трудомъ окончилъ богослуженіе.

— Нѣтъ. Пора, пора,—думалъ старый батюшка, возвращаясь изъ церкви, и особенно печальнымъ взоромъ смотрѣлъ вокругъ. И весь тотъ день о. Константинъ былъ необычно задумчивъ. А вечеромъ онъ захотѣлъ что то писать и попросилъ матушку налить въ чернильницу чернилъ.

— Давно не писалъ,—подумалъ о. Константинъ:—не въ послѣдній-ли разъ берусь за перо.

Матушка въ просьбѣ о. Константина почувствовала что то неладное. Наливъ чернилъ, она сѣла напротивъ о. Констан-

тина и глазами своими какъ бы провожала его куда то далеко и прощалась съ нимъ.

— Что это ты затѣялъ?—тихо и со страхомъ спросила она.

— Умирать хочу.

И о. Константинъ улынулся дѣтской, ясной улыбкой.

Но матушка не улыбнулась. Она чувствовала, что о. Константинъ говорить правду.

Въ молчаніи встала и обняла съдую голову мужа.

Батюшка отклонился отъ стола и сидѣлъ неподвижно, слабымъ движеніемъ пожимая матушкѣ руку.

— Ну, довольно...—сказалъ онъ спустя немного.

— Это ты е му?—спросила матушка.

И о. Константинъ понялъ ее.

— Да, ему.

И матушка не просила пояснить отвѣтъ.

О. Константинъ писалъ старшему сыну.

Онъ сообщалъ, что предчувствуетъ свою близкую кончину, и звалъ сына къ себѣ.

— Но не знаю,—писалъ батюшка:—застанешь ли ты меня въ живыхъ, а потому теперь же выражаю тебѣ послѣднее мое желаніе. Очень хотѣлъ бы, сынъ мой, чтобы ты принялъ священство и сталъ мнѣ преемникомъ. Я знаю глубокую и чистую вѣру твою. Знаю и то, что ты теперь станешь предъ рѣшеніемъ вопроса: стать или не стать священникомъ. И говорю тебѣ: стань. Не бойся. Уже то, что въ тебѣ было до сихъ поръ, этотъ страхъ трудности и высоты священническаго жребія—вѣрный залогъ, что ты будешь добрымъ пастыремъ Христова стада. А такіе пастыри особенно нужны теперь. Самъ знаешь, какое нынѣ время. На склонѣ лѣтъ испыталъ я на себѣ его тяготы. Прощай и пріѣзжай. Но на случай еще разъ говорю: буду счастливъ, если придется умирать съ надеждой, что ты возьмешь на себя дѣло мое. Прощай. Написалъ бы еще, да не могу. Совсѣмъ нѣтъ силъ. Сегодня едва отслужилъ.

О. Константинъ поставилъ число и подписался.

— Ну, прочитай,—дрожащимъ, неповинуящимся голосомъ говорила матушка.

О. Константинъ поднесъ листъ бумаги къ глазамъ.

Но прежде, чѣмъ онъ началъ читать, матушка горько зарыдала. И письма она не слышала. Но когда о. Константинъ окончилъ чтеніе, она подала конвертъ и сказала:

— Вотъ... Запечатай...

Письмо запечатали и отправили.

Въ этотъ же вечеръ о. Константинъ слегъ въ постель, и черезъ двѣ недѣли его не стало.

Сердце, такъ много жившее, такъ сильно чувствовавшее и горячо любившее, перестало биться.

Теперь въ церковной оградѣ того села, гдѣ о. Константинъ священствовалъ, стоитъ бѣлый деревянный крестъ безъ вѣнковъ и безъ надписи, съ одной лишь иконой Спасителя, той самой, которая когда то висѣла въ темномъ углу кухни діакона, отца умершаго батюшки.

И послѣ каждой литургіи надъ батюшкиной могилой, обсаженной нѣжными бѣлоствольными березками, служить панихиды старшій сынъ о. Константина, его преемникъ по священству.

— Вотъ, сынокъ-отъ. Любящій какой,—говорили крестьяне.

— Еще бы!—замѣчали на это другіе:—духъ то у нихъ одинъ: что у отца, что у сына.

И старики, присматриваясь къ сыну о. Константина, находили, что онъ служить такъ же красиво и проникновенно, какъ служилъ и самъ о. Константинъ, такъ же убѣжденно и убѣдительно говорить проповѣди, какъ и о. Константинъ, такъ же горячо ратуетъ въ приходѣ за все лучшее и съ такой же готовностью отзывается и на всякое горе, и на всякую радость.

— Весь, весь въ отца,—говорили прихожане о новомъ батюшкѣ.

Старики утѣшались этимъ и не боялись за свою вѣру. Молодые же, видя крѣпость церковной жизни въ приходѣ, проникались уваженіемъ къ ней.

Н. Волжанинъ.